

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей МОСКВИН

МОРСКИЕ
ДЬЯВОЛЫ

Сергей Москвин
Морские дьяволы

«ЭКСМО»

2002

Москвин С. Л.

Морские дьяволы / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2002

Трудно найти в подводных глубинах американский атомоход, особенно если его там нет. Точнее, не слышно. Эта сверхсовременная разработка Военно-морских сил США не имеет себе равных – стратегический ракетоносец практически не издает шумов. Чтобы срисовать его "акустический портрет", отважная четверка российских боевых пловцов высаживается у американского побережья. Командование поставило перед ними почти невыполнимую задачу. Против них вся сила спецслужб США, вышколенные спецназовцы, разветвленная сеть осведомителей во главе с местным шерифом, пара контрабандистов и даже боевые дельфины, умеющие уничтожать подводных диверсантов.

© Москвин С. Л., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

ПУТЬ В ГЛУБИНЕ	5
НА БОРТУ	8
РАЗВЕДГРУППА	10
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ БИЗЯЕВ	15
НАД ВОДОЙ	20
ПОД ВОДОЙ	24
ПУТЬ К БЕРЕГУ	26
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ БИЗЯЕВ	31
В ДУЛИТЕ	40
КОМАНДИР РАЗВЕДГРУППЫ	46
НА ПРИСТАНИ	55
БИЗЯЕВ	58
ОПЕРАТОР ПОДВОДНЫХ СРЕДСТВ ДВИЖЕНИЯ —	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Морские дьяволы Сергей Москвин

ПУТЬ В ГЛУБИНЕ

10 мая. 15.00

Косяк салаки прорезал голубовато-зеленую воду у самой поверхности океана. Словно гигантская переливающаяся капля, десятки мелких и более крупных рыб кружились в причудливом хороводе. Серебристые блики играли на их боках и спинах, когда проникающие под воду косые солнечные лучи отражались от рыбьей чешуи. Но внезапно вся стая, как по команде, метнулась в сторону, напуганная появившейся из глубины темной тенью. По мере приближения к поверхности тень приобретала все более четкие очертания, пока не превратилась в силуэт большой белой акулы. Она оказалась действительно большой – более четырех метров от тупой морды до кончика хвоста. Беззвучно скользя в водной толще, акула прошла в десяти метрах ниже того места, где только что резвилась салака. Ее оскаленная пасть и плавные, полные грации движения указывали на то, что самый грозный морской хищник вышел на поиск очередной жертвы. Но мелкая салака акулу не интересовала. Она выслеживала добычу покрупнее. Но у поверхности не оказалось преследующих салаку тюленей – излюбленной пищи белых акул, и хищная рыба вновь ушла в глубину. Четырехметровая акула, весящая более тонны, не имеет собственных врагов. На рыб такого размера и веса не охотится ни один хищник. И тем не менее, ощутив своей кожей усиливающуюся вибрацию и сотрясение слоев морской воды, а затем и определив источник этих колебаний, акула стремительно рванулась в пучину, освобождая дорогу неведомому ей подводному монстру.

Распугивая встречающиеся на пути косяки мелких и крупных рыб и обращая в бегство одиночных морских хищников, сквозь вязкую массу воды продавливалась огромная, как четырехподъездный пятиэтажный жилой дом, стальная машина подводной лодки. Со скоростью двенадцать узлов, обеспечивающей необходимую скрытность, российская многоцелевая атомная подводная лодка «Барс» приближалась к Восточному побережью США. АПЛ «Барс» относилась к последнему поколению лодок-охотников, призванных выслеживать в водах Мирового океана стратегические подводные ракетноносцы вероятного противника. Командир подводной лодки – капитан второго ранга Петровский – имел все основания гордиться своим кораблем. В подводном положении «Барс» развивал скорость до тридцати пяти узлов, мог обнаружить цель за сотню морских миль, а благодаря своему торпедному и ракетному вооружению был способен вести бой сразу с пятью противниками.

Именно поэтому результат выполнения последней боевой задачи, а точнее его отсутствие, стал для Петровского настоящим потрясением. Двое суток «Барс» курсировал в нейтральных водах вдоль морской границы США, тщетно стараясь обнаружить проходящий ходовые испытания у мыса Хаттерас только что сошедший со стапелей Портсмутской верфи американский ударный подводный ракетноносец. Двое суток акустики Петровского пытались записать или хотя бы зафиксировать шум гребных винтов американского РПКСН,¹ но так ничего и не услышали. Гидроакустические станции четко отмечали все перемещения кораблей боевого охранения: эсминца и двух фрегатов, но ни разу не засекли шум винтов подводной лодки. О том, что она все-таки движется, свидетельствовали сверхчувствительные радиометры.

---

¹ РПКСН – ракетный подводный крейсер стратегического назначения.

Флоридское течение, огибающее мыс Хаттерас, регулярно выносило в Атлантику потоки воды со слабой радиоактивностью, образующиеся в кильватерном следе атомохода. Через двое суток безуспешных поисков Петровский запросил в Главном штабе Военно-Морского Флота разрешение и, получив его, предпринял последнюю – весьма рискованную – попытку обнаружить ускользающую цель. АПЛ «Барс» нарушил государственную границу и вошел в территориальные воды Соединенных Штатов. Петровскому удалось сделать невозможное – приблизиться к району испытаний американского ракетносца на расстояние действия гидролокатора. Однако когда по его приказу акустики включили гидролокатор, то зафиксировали все те же цели: три надводных корабля боевого охранения. А подводный крейсер, для поиска которого Петровский предпринял чрезвычайно рискованный маневр, способный привести к международному скандалу и серьезному осложнению двухсторонних отношений между Россией и США, так и остался необнаруженным. Результат поиска выглядел совершенно невероятным.

Глубина шельфовой зоны у мыса Хаттерас не превышает ста метров, поэтому американский РПКСН не мог выполнить маневр отрыва, погрузившись на недостижимую для лодки-охотника глубину. Но хотя направленный луч гидролокатора пронизывал водную толщу до самого дна, разыскиваемый подводный крейсер исчез, словно растворившись в пучине. Зато гидролокатор российской подводной лодки обнаружил корабли прикрытия американских ВМС. Оба фрегата были немедленно направлены на перехват лодки-нарушителя, и «Барсу» пришлось срочно уходить из района испытаний в нейтральные воды. Капитан второго ранга Петровский недоумевал, как такое могло произойти, но все же вынужден был доложить в Штаб ВМФ России, что поставленная задача не выполнена – несмотря на все попытки, цель не обнаружена.

В отличие от командира подводной лодки, в Штабе ВМФ знали причину таинственного исчезновения американского подводного ракетносца. Проходящий ходовые испытания РПКСН «Атлант» являлся первым кораблем, созданным в рамках сверхсекретной и уникальной по выделенным ассигнованиям программы «Призраки глубин». Ее целью являлось создание принципиально нового класса подводных лодок, которые невозможно обнаружить современными акустическими средствами поиска и слежения. Как стало известно российской военной разведке, РПКСН «Атлант» был оборудован уникальной системой шумопонижения, сводящей шум гребных винтов и прочих механизмов подводной лодки к естественному шуму океана, а специальное полимерное покрытие корпуса гасило волны гидролокатора, делая лодку невидимой даже при активном поиске. Безуспешные попытки «Барса» обнаружить новейший американский атомоход полностью подтвердили данные военной разведки.

Появление у потенциального противника ударных субмарин типа «Атлант», неуязвимых для российских систем противолодочной обороны, грозило изменить существующий паритет стратегических ядерных сил в пользу США. Таким образом, задача обнаружения американских подводных лодок нового проекта приобрела стратегическое значение, и на экстренно созванном совещании в Главном штабе Военно-Морского Флота ей был присвоен высший приоритет. Сопоставив все данные проведенной АПЛ «Барс» гидроакустической разведки, командование ВМФ пришло к окончательному выводу, что обнаружить РПКСН «Атлант» без эталонной фонограммы собственных шумов подводного крейсера не представляется возможным. Лишь при ее наличии акустики сумеют выделить из естественных звуков океана шум винтов и силовой установки американской подводной лодки.

Как уже не раз случалось, и не только на флоте, задача, оказавшаяся непосильной для новейших российских гидроакустических станций и прочих технических средств противолодочной обороны, была поручена людям. И сейчас на борту «Барса» находились трое боевых пловцов из отряда специального назначения российской военно-морской разведки. Именно им, неофициально именуемым «морскими дьяволами», предстояло получить имеющую стратегическое значение фонограмму собственных шумов новейшего американского подводного

крейсера. Трех «морских дьяволов» вместе с их снаряжением, включающим помимо всего прочего два индивидуальных подводных буксировщика и двухместный транспортировщик² «Тритон-2М», доставил на «Барс» гидросамолет-амфибия Северного флота. После десяти часов перелета над Атлантикой и еще получаса поиска ожидающей в заданном квадрате всплывшей на перископную глубину подводной лодки гидросамолет, несмотря на двухбалльный шторм, совершил успешную посадку примерно в пятистах милях севернее Бермудских островов. Прием доставленного гидросамолетом снаряжения группы боевых пловцов прошел штатно, и спустя полчаса трое «морских дьяволов» поднялись на борт подводной лодки.

---

² Все подводные средства движения боевых пловцов подразделяются на индивидуальные (буксировщики) и групповые (транспортировщики).

НА БОРТУ

11 мая. 01.05

Три младших морских офицера в званиях от лейтенанта до капитан-лейтенанта разом повернули головы на стук в дверь каюты. Небольшая двухместная каюта размерами и планировкой напоминала купе в спальном вагоне: те же расположенные параллельно друг другу койки и пластиковый откидной столик между ними. Капитан-лейтенант и лейтенант сидели рядом друг с другом на одной из коек. Старший лейтенант, пользуясь возможностью, снял обувь и растянулся на соседней койке. Койка была ему явно мала, и вытянутые ноги рослого офицера упирались в переборку.

– Войдите! – громко крикнул он, услышав стук в дверь каюты.

– Встань с койки! – сейчас же приказал ему капитан-лейтенант.

Старший лейтенант опустил ноги на пол и подвинул к себе снятые ботинки. В этот момент дверь открылась и на пороге каюты возник кап-два³ Петровский.

– Товарищи офицеры! – обратился к своим товарищам капитан-лейтенант, и все дружно поднялись, приветствуя старшего по званию. При этом старший лейтенант, так и не успевший надеть ботинки, остался стоять в одних носках.

– Сидите, сидите, – Петровский сделал рукой предупредительный жест и сам уселся на свободное место рядом со старшим лейтенантом.

Стоять вчетвером в узком пространстве двухместной каюты можно было, только тесно прижавшись друг к другу. Но даже если бы пространство позволяло, Петровский предпочел бы разговаривать с офицерами сидя, потому что испытывал скованность и даже некоторую робость в их присутствии.

Эти трое принадлежали к особой, совершенно незнакомой офицеру-подводнику касте «морских дьяволов». Только несколько раз во время командно-штабных учений флота Петровскому довелось наблюдать за действиями боевых пловцов. Первый раз это случилось в 1983 году на Балтийском флоте, когда недавний выпускник военно-морского училища Петровский нес службу вахтенным офицером на своей первой, еще дизельной подводной лодке. В соответствии с планом учений лодка отошла от места стоянки и в надводном положении направилась к выходу из бухты. Лейтенант Петровский как вахтенный офицер вместе с командиром корабля находился на рубочном мостике. Вдруг из пенного буруна, образующегося у носа лодки во время движения, прямо на носовую обшивку вылезли двое аквалангистов в невиданном снаряжении. Они провели всего несколько секунд на носу лодки и, спрыгнув в набегающие волны, снова исчезли в морской пучине. Петровский недоумевал, что означает их появление. Но буквально через минуту радист принес на мостик радиограмму с извещением о том, что корабль подвергся атаке группой боевых пловцов и был уничтожен. Две другие встречи с боевыми пловцами были аналогичны первой. Один раз лодка условно подорвалась на морских минах, расставленных подразделением подводных диверсантов, второй – в подводном положении скрытно доставила группу боевых пловцов в бухту условного противника. Но за все время службы Петровскому ни разу не довелось лично общаться с «морскими дьяволами». Подводный спецназ считался элитой даже среди отрядов специального назначения. В связи с особой секретностью решаемых задач даже внешность любого «морского дьявола» являлась секретной, так же, как и внешний облик действующих офицеров Службы внешней разведки.

---

³ Кап-два – капитан второго ранга (*морской сленг*).

Ведь и сейчас из всего экипажа подводной лодки лишь один командир корабля знал, кем в действительности являются три офицера, прибывшие с самолетом-амфибией. Для всех остальных, согласно легенде, они являлись сотрудниками научно-исследовательского гидрографического института Министерства обороны, в задачу которых входила установка на лодке экстренно переброшенного по воздуху дополнительного специального оборудования.

– Через час будем в точке высадки, – сообщил Петровский всем присутствующим в каюте, но остановил взгляд на лице капитан-лейтенанта.

Тот сдержанно кивнул, зато старший лейтенант, успевший вставить ноги в ботинки, тут же поинтересовался:

– С местом не промахнетесь? Для вас, морских скитальцев, и миля не расстояние, а для нас, грешных, такая промашка чревата...

Он не стал приводить сравнение, чтобы не накликать беду, лишь многозначительно покачал головой.

– Данил! – сейчас же отреагировал на его реплику капитан-лейтенант и осуждающе посмотрел на подчиненного, хотя в душе был полностью согласен с ним.

В условиях, когда ресурс буксировщиков ограничен емкостью их аккумуляторных батарей, а время работы систем жизнеобеспечения определяется количеством оставшейся в дыхательном аппарате газовой смеси, даже незначительное отклонение от точки высадки может быть смертельно опасно. Потому что тогда пловцам придется затратить больше времени, чтобы добраться до конечной цели. Поскольку поиск ведется под водой в условиях ограниченной видимости, ошибка даже на одну морскую милю может привести к тому, что цель вообще не удастся обнаружить. А это, в свою очередь, будет означать для аквалангиста смерть от удушья после выработки в дыхательном аппарате всего регенерирующего состава.

– Не должны, – ответил командир подводной лодки на прозвучавший вопрос. – Я лично проверил все расчеты штурмана. Курс вычислен верно. В районе высадки отклонение от заданной точки не превысит двухсот метров.

– Дай-то бог, – заметил старший лейтенант.

Как всегда перед выходом на задание, он заметно нервничал, поэтому говорил больше, чем это требовалось. Командир группы боевых пловцов – капитан-лейтенант Ворохов знал, что стоит Данилу оказаться в воде, и его предстартовое волнение исчезнет, уступив место вниманию и предельной собранности. Ворохов уже давно заметил, что слабого человека экстремальная ситуация деморализует, а сильного, наоборот, мобилизует. Двое его подчиненных – старший лейтенант Бизяев и лейтенант Мамонтов – относились к числу последних. И не только потому, что слабаки просто не могли выдержать жесточайший отбор в специальный отряд боевых пловцов Главного управления военно-морской разведки. Как убедился Ворохов, при всей несхожести характеров и темпераментов Бизяева и Мамонтова объединяли нестигаемая воля, упорство и мужество – те качества, которые сам Stanislaw Ворохов более всего ценил в людях.

РАЗВЕДГРУППА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА ВОРОХОВА

01.10

– Расчетная глубина выхода – сорок метров, но, если необходимо, мы можем всплыть под перископ, – обратился командир подводной лодки к старшему группы боевых пловцов. – Здесь относительно спокойный район. Судоходные пути проходят севернее и южнее. Теоретически здесь мы можем встретить только прогулочную яхту или рыболовецкую шхуну, но маловероятно, чтобы ночью они курсировали возле берега.

Выход из подводной лодки на глубине, являющейся почти предельной для аквалангиста в легком водолазном снаряжении, куда сложнее и рискованнее той же операции, осуществляемой на глубинах в несколько раз меньших. И командир группы боевых пловцов знал это, как никто другой. Но в то же время ему было известно немало примеров, когда тщательно спланированные операции проваливались только из-за того, что не учитывались случайности. Поэтому возможная встреча или даже столкновение всплывшей до перископной глубины подводной лодки с яхтой какого-нибудь любителя ночных прогулок по морю могла сорвать операцию стратегического значения.

Подумав, на предложение командира подводной лодки капитан-лейтенант Ворохов ответил отказом:

– Нет, всплывать не нужно. Мы выйдем, как и было запланировано.

– Что ж, ясно. – Не решив, что можно добавить к сказанному, Петровский поднялся с койки. – Когда будем в точке выхода, я вам сообщу.

Он открыл дверь и вышел в отделенный переборкой коридор. Как только командир подводной лодки покинул отведенную боевым пловцам каюту, старший лейтенант Бизяев хлопнул в ладоши и, уставившись на Ворохова, спросил:

– Раз еще час до выхода, может, перекусим, а?

– Ты голоден? – в свою очередь спросил у Бизяева Ворохов.

– Да нет. Это я так, чтобы снять мандраж.

– Тогда нечего перед погружением набивать желудок.

Бизяев отвернулся и с наигранной обидой забубнил:

– Сурово вы ко мне относитесь. Вот только не пойму почему. Вроде не заслужил. Вот так всегда: одним фи́га с маслом, а другим лангу́сты с мидиями и прочие деликатесы.

– Ты это о чем? – удивился Ворохов.

– Да все о том же, – Данил Бизяев повернулся к своему командиру и уже без всякого притворства язвительно заметил: – Старик на берегу, наверное, ни в чем себе не отказывает. Может, и шлюшку какую местную снял для закрепления образа.

– Завидуешь? – усмехнулся Ворохов.

Он все еще верил, что Бизяев затеял этот разговор ради шутки, но тот вполне серьезно заявил:

– А что?! Завидую! Ведь это мы пойдем к «Атланту», а Старик будет гулять по барам. Непыльная работенка. Я бы тоже на такую согласился.

– У нас общая задача, – напомнил Ворохов.

– Ага, – Бизяев усмехнулся. – Только Старик прибыл в Америку в салоне бизнес-класса какого-нибудь комфортабельного «Боинга», потягивая пиво из банки, а мы пойдем к берегу

на ластах со вставленными в рот загубниками. И всякий раз, когда мы будем уходить под воду, Старик в это время будет сосать свое пиво да травить анекдоты с каким-нибудь местным янки.

Несколько секунд капитан-лейтенант Ворохов изучающе смотрел в лицо своего друга, затем повернулся к сидящему рядом с ним лейтенанту и приказал:

– Андрей. Проверь снаряжение и работу шлюзовых камер.

Андрей Мамонтов с готовностью поднялся с койки и вышел из каюты. Для боевого пловца его гидрокостюм и дыхательный аппарат то же самое, что парашют для десантника. От герметичности гидрокостюма и исправности дыхательного аппарата зависит жизнь аквалангиста, поэтому перед погружением каждый боевой пловец сам проверяет свое снаряжение. Работу шлюзовых камер, наоборот, может оценить только тот, кто их обслуживает. Поэтому поручение, отданное командиром группы боевых пловцов своему подчиненному, не имело практического смысла. Истинной целью Ворохова было удалить Андрея из каюты на время затейного Бизяевым разговора. Как старший группы, Ворохов не мог допустить, чтобы его подчиненный обсуждал своего бывшего командира в присутствии младшего по званию. Когда за Андреем закрылась дверь, Ворохов перехватил обиженный взгляд Бизяева и быстро спросил:

– Ты чем-то недоволен или не согласен с распределением задач?

– Ой, Стас, не начинай, – Бизяев махнул рукой. – Всем я доволен и со всем согласен. Вот только роль Старика мне, честное слово, непонятна. Или в штабе считают, что с ним наша легенда будет выглядеть более убедительно? Между прочим, это только у нас профессору обязательно должно быть за пятьдесят, а в Штатах на возраст ученых смотрят куда более демократично. Поэтому у янки молодых профессоров ничуть не меньше, чем старых. И ты, и я легко вписались бы в этот образ. И местные сплетни мы бы собрали не хуже! Как-никак владеем языком с нужным диалектом на самом высоком уровне.

Ворохов мог бы ответить Бизяеву, что капитан третьего ранга Рошин, которого Бизяев за глаза называл Стариком – четвертый из разведгруппы «морских дьяволов», прибывший в США трое суток назад с документами на имя профессора океанографического института города Саванна, по замыслу разработчиков операции, представлял вполне конкретного человека. Составленная для Рошина легенда прикрытия строилась на безусловном внешнем сходстве российского «морского дьявола» с реальным американским профессором-океанологом. Но, в соответствии с правилами конспирации, об этом знали лишь два человека: сам заlegenдированный исполнитель и командир разведгруппы. Поэтому в разговоре с Бизяевым Ворохов привел другой довод:

– Значительную часть жителей Дулита составляют бывшие военные моряки, после выхода в отставку поселившиеся в этом небольшом курортном городке на побережье. Как правило, эти люди наблюдательны и хорошо осведомлены о городской жизни. Но они не привыкли сплетничать и если уж пойдут на откровенность, то только с вызывающим доверие человеком. А такое доверие у бывших военных моряков способен вызвать лишь человек примерно одного с ними возраста. При всем нашем старании мы с тобой не смогли бы разговорить жителей Дулита. Это способен сделать только Илья Константинович. Поэтому он ждет нас на берегу, а мы высаживаемся туда с подлодки.

Заметив, как при последних словах сурово вспыхнули глаза Ворохова, Данил Бизяев демонстративно вскинул вверх руки:

– Ладно, Стас, не кипятись. Мог бы просто сказать, что так решило командование, и я бы все понял. Ведь приказы начальства, как известно, не обсуждаются. Но вот что мне действительно хотелось бы знать, так это для чего самому Старикну понадобилась эта командировка? Он же все равно уходит на пенсию, а кап-два ему перед выходом в отставку и так присвоят. Мог бы последние месяцы и дома, на базе перекаптоваться.

– Дурак ты, Данил, – беззлобно заметил Ворохов. – Да у Ильи Константиновича, можно сказать, вся жизнь прошла в подводном спецназе. На его счету сотни погружений и десятки операций по всему миру. Он знает на вкус воды всех четырех океанов. Ты думаешь, он стремится на пенсию? Как бы не так! Да если бы врачи не запретили ему глубоководные погружения, он бы ни за что не подал рапорт!

– И группой бы сейчас командовал он, а не ты, – вставил Бизяев, но Ворохов никак не отреагировал на его реплику.

– Илья Константинович настолько сроднился с нашей службой, что без нее, наверное, и жизни не представляет. Я вообще не знаю, как он сможет жить на гражданке без наших рискованных погружений, без ощущения глубины и возможности парить над бездной, без этого пьянящего чувства опасности. Да для него сейчас сознавать, что он еще не вышел в тираж, что его опыт и профессионализм еще могут пригодиться, величайшее счастье. А ты еще удивляешься, зачем Илья Константинович вызвался участвовать в этой операции.

– Что-то я раньше не замечал у Старика подобного романтизма, – с сомнением покачал головой Бизяев.

– Чтобы это заметить, надо самому отслужить столько же, сколько он, – вздохнул Ворохов. – Кстати, – Станислав прищурил один глаз и ехидно посмотрел на Данила. – Насколько мне известно, ты тоже вызвался добровольно.

– Ха! Я другое дело. Со мной, с тобой и с Мамонтенком все понятно. Ты, в случае успеха операции, наверняка получишь второй «просвет» и большую звезду на погоны. А это уже прямая дорога в замы, а затем и в командиры отряда. Мамонтенку, в его начале военной карьеры, успешная реализация стратегической операции – это именно то, что нужно для служебного и профессионального роста. Ну и мне, я надеюсь, наконец дадут собственную группу. А то, честное слово, надоело уже в замах ходить! А еще, может, орден или даже звездочка перепадет. Вон, как Иванову, за Генуэзскую бухту. Чем мы хуже?! – говоря о себе во множественном числе, с озорным прищуром заметил Данил. – Чай, тоже не лаптем щи хлебаем!

– Опять завидуешь? – улыбнулся Ворохов.

– Завидую, – не заметив иронии в словах командира, кивнул головой Бизяев. – Нет, Борька свою Звезду заслужил, кто спорит! Обнаружить в многократно протреленной бухте на изрядно загаженном дне сохранившуюся со времен Второй мировой донную мину – тут надо быть настоящим мастером и чутье иметь острее, чем у охотничьей собаки. Только ведь Борька свою находку не обезвреживал, итальянских саперов вызвал. Да и мина-то была типовая, с заранее известным расположением взрывателей. Так что никаких сюрпризов от нее ожидать не следовало. И если откровенно, то в Галифаксе я рисковал куда больше, когда этот чертов плот обследовал. Кто мог знать заранее, что это безобидная куча мусора, когда ей были приданы все черты подвесного дрейфующего заряда. И ведь плыл этот плот не абы как, а точнехонько на теплоход президента. Я тогда два часа возле него в воде провисел, пока всю сеть из малозаметных капроновых заграждений распутал, снял проволочные растяжки и убедился, что это всего лишь притопленная за счет насыпанного внутрь песка алюминиевая бочка. А окажись в той бочке вместо песка боевой заряд и задень я по неосторожности одну из растяжек – все, амба! Пошли бы мои кишки на корм рыбам. Мне тогда начальник президентской охраны прямо сказал, что это ведь янки таким способом систему нашей охраны проверяли. Ну и что я получил за тот выход? Ироничную благодарность от командования да смешки в спину за ловлю плавающего мусора. Обидно.

– Что-то я раньше не замечал в тебе такого прагматизма, – переиначив слова Бизяева, улыбнулся Ворохов. – Ты же всегда говорил, что служишь не за чины и награды. С каких это пор ты переменялся?

– С тех самых, когда Иванову выделили отдельную квартиру! – зло ответил Бизяев. – Ты думаешь, он бы получил ее, если бы не Звезда Героя?! Хрен тебе!

– У Бориса, как ты знаешь, жена и двое детей.

– А у меня вот нет ни жены, ни детей! Не обзавелся! – развел руками Данил. – Так что, я теперь не имею права жить, как человек?! А женюсь, так куда мне молодую жену вести?! В комнату в общежитии?! А вот будет у меня Звездочка, уж я себе отдельную квартирку у начальства выбью!

В доказательство решительности своих намерений Данил Бизяев демонстративно потряс в воздухе стиснутым кулаком. В этот момент открылась дверь и в каюту вошел Андрей Мамонтов:

– Товарищ капитан-лейтенант, дыхательные аппараты, гидрокостюмы и снаряжение готовы, шлюзовая камера функционирует исправно, – обращаясь к командиру группы, четко доложил он.

– Спасибо, Андрей, садись, – Ворохов указал взглядом на койку рядом с собой и, обращаясь уже к обоим своим подчиненным, добавил: – Пять минут на отдых. Затем идем к шлюзовой камере. Высадка через тридцать минут, – сверив время по своим наручным часам, закончил он.

Ворохов уже давно хотел закончить начатый Бизяевым разговор, но никак не мог сообразить, как это сделать, не обидев Данила. Перед ответственным и весьма рискованным погружением следовало максимально собраться и успокоиться, а не накручивать себе нервы никчемными беседами. Поэтому Станислав чрезвычайно обрадовался возвращению Андрея, которое позволило ему свернуть затянувшийся разговор...

Пять минут пробежали незаметно.

– Пора, – объявил своим друзьям Ворохов и, поднявшись с койки, первым вышел из каюты.

Во главе со своим командиром тройка боевых пловцов направилась к шлюзовой камере. Пока «морские дьяволы» проверяли снаряжение, к шлюзовой камере с центрального поста спустился командир подводной лодки.

– Через пять минут будем в расчетной точке, – сообщил он.

Ворохов понимающе кивнул и, обращаясь к Бизяеву и Мамонтову, скомандовал:

– Надеть гидрокombинезоны!

«Морские дьяволы» переглянулись, Данил Бизяев глубоко вздохнул. Потом все трое принялись стаскивать с себя форму военных моряков.

Мичман и старшина из экипажа подводной лодки, обслуживающие шлюзовую камеру, не скрывая изумления глядели, как трое офицеров сначала разделись догола, а затем натянули на себя теплое белье и необычные водолазные комбинезоны, плотно облепившие их поджарые мускулистые тела. Прочее снаряжение водолазов тоже вызывало удивление. Станные акваланги, которые они надели себе на спины, были заключены в металлический корпус обтекаемой формы. В верхней его части наружу выходили два соединяющихся вместе гофрированных шланга, заканчивающихся общим загубником. Но еще более необычно выглядели водолазные маски, которые офицеры натянули поверх своих прорезиненных шлемов. Вместо смотровых стекол на масках были установлены какие-то непонятные приборы, очень похожие на фотоаппарат с выдвинутым телеобъективом.

Первым из тройки «морских дьяволов» в гидрокombинезон облачился Данил Бизяев. Привычно проверил снаряжение. На запястьях – специальные часы и компас с укрупненными светоотражающими цифрами и стрелками для глубоководных погружений; на грузовом ремне⁴ справа – четырехствольный подводный пистолет в специальной кобуре и рядом с ним патронташ с четырьмя запасными обоймами, по четыре патрона каждая; с левой стороны, симметрично пистолету, – сигнальный фонарь; в специальных ножнах на голени правой ноги – боевой

---

⁴ Грузовой ремень – пояс с набором свинцовых или чугунных грузов, предназначенный для регулирования плавучести водолаза.

нож. Теперь осталось только надеть маску и ласты, вставить в рот загубник, и можно идти под воду.

Застегнув на себе гидрокombинезон, Станислав Ворохов почувствовал, как подводная лодка застопорила ход. Практически сразу после этого включился зуммер установленного у шлюзовой камеры телефона внутренней связи. Петровский сам снял трубку и, выслушав чей-то доклад, сообщил:

– Мы в расчетной точке. На то, чтобы вернуться, у вас будет четыре часа. Дольше ждать мы не можем, – он удрученно развел руками и еще раз повторил: – Через четыре часа лодка уйдет.

«Если обстоятельства не заставят сделать это раньше», – мысленно уточнил командир группы боевых пловцов. «Если вокруг все будет спокойно», – добавил про себя командир подводной лодки. Но ни тот, ни другой не озвучил свои мысли вслух, боясь ненароком накликать беду. Выслушав сообщение Петровского, Ворохов повернулся к своим товарищам.

– Порядок выхода: ты первый, – чтобы не называть имена своих бойцов, Станислав указал взглядом на Данила. – Затем ты, – взгляд командира группы переместился на Андрея Мамонтова. – Я замыкающий.

– Ну, – старший лейтенант Бизяев взглянул в глаза своему командиру. – Я пошел.

Он опустил на глаза маску, вставил в рот загубник и, подхватив за плечевые упоры буксировщик, втиснулся с ним в отсек шлюзовой камеры. Размеры шлюзового отсека позволяли выпускать с подводной лодки одновременно лишь двух пловцов. Но сейчас место второго аквалангиста занимал буксировщик, который в длину был чуть больше половины человеческого роста и весил почти столько же, сколько боевой пловец вместе со своим снаряжением. Оказавшись внутри шлюзовой камеры, Бизяев поднял руку, сигнализируя, что он готов к выходу. Обслуживающий шлюз старшина сейчас же задрал за ним крышку люка, а мичман открыл вентиль, впуская в камеру забортную воду. Прошло около минуты, затем все оставшиеся возле шлюзовой камеры услышали два коротких глухих удара по металлу – аквалангист сообщал, что выходит из подводной лодки. И практически сразу зажглась сигнальная лампочка, указывая, что внешний люк открыт. После этого мичман подождал около минуты, затем начал откачивать из шлюзовой камеры воду. Когда по его приказу старшина вновь открыл крышку люка, в шлюзовом отсеке уже никого не было.

– Ты следующий, – обратился Ворохов к Андрею Мамонтову и слегка тронул его за плечо.

Андрей кивнул головой и, натянув на лицо водолазную маску, занял место в шлюзовом отсеке. Повторилась та же процедура: томительная минута ожидания, два глухих удара в крышку внутреннего люка, вспышка сигнальной лампочки, известившая о том, что и второй аквалангист покинул борт подводной лодки. Крепко пожав на прощание руку командиру подводной лодки, мичману и старшине, капитан-лейтенант Ворохов вместе со своим буксировщиком шагнул в шлюзовой отсек, переступив границу привычного в обыденном понимании мира, где люди ходят по твердой земле и дышат атмосферным воздухом, а не искусственной смесью азота и кислорода, вырабатываемой автономным дыхательным аппаратом замкнутого цикла.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ БИЗЯЕВ

02.06

Наконец открылась диафрагма выходного люка, и оттуда выглянуло довольное лицо Стаса. Вообще-то в луче своего фонаря я видел только его голову, а лицо полностью скрывал установленный вместо иллюминатора водолазной маски акваскоп.⁵ Но я не сомневался, что лицо у Стаса именно довольное. Успешный выход трех «морских дьяволов» из подлодки на сорокаметровой глубине – чем не повод для радости командира группы. Стас вместе со своим буксировщиком медленно выплыл из открытого шлюза. Наверное, несколько минут назад и я выглядел таким же неуклюжим, когда вытаскивал из шлюзового отсека свой буксировщик. Зато сейчас, лежа животом на стальном цилиндре самодвижущейся торпеды, я, без преувеличения, мог выписывать в воде фигуры высшего пилотажа. И если летчики, по чьему-то образному выражению, способны парить над бездной, то лишь «морские дьяволы» свободно парят внутри ее. Надо признать – непередаваемое и ни с чем не сравнимое чувство. Жаль, здесь редко выпадает возможность полностью сосредоточиться на собственных ощущениях. По правде сказать, почти никогда не выпадает. Вот и сейчас, увидев выбирающегося из шлюзовой камеры Стаса, я тут же посветил своим фонарем в сторону Мамонтенка, чтобы показать Стасу, что и у Андрюхи все в порядке. Мамонтенок, конечно же, тоже увидел Стаса и, когда я направил луч фонаря на него, энергично шевельнул ластами и ушел вверх в сторону рубки. Поспешил, конечно. Сначала следовало проследить за тем, как командир расположится на буксировщике. Надо отдать ему должное – Стас очень быстро справился с этой задачей. Еще не успела закрыться диафрагма выходного люка, а он уже просунул руки в петлеобразные ручки-поручни и, подобно наезднику, улегшемуся на круп лошади, оседлал свой буксировщик. В отличие от импортных скутеров, за которые боевой пловец во время движения должен держаться руками, наш отечественный буксировщик типа «Протей» не сковывает рук. Это очень удобно.

Оглянувшись, Мамонтенка я уже не увидел. Он быстро ушел из луча света, поэтому я с полным основанием мог направить свой фонарь в сторону Стаса. Ворохов, видя, что я за ним наблюдаю, махнул рукой и, запустив двигатель своего буксировщика, ушел вверх за Мамонтенком. Мне оставалось только последовать его примеру.

Окружающая масса воды сразу стала вязкой, как только буксировщик подхватил мое невесомое тело и потащил за собой. Но сильного сопротивления воды я не ощутил – все-таки буксировщик шел на минимальной скорости. Чтобы не промахнуться, я направил луч фонаря на корпус подлодки. Стас, поднимающийся впереди меня, сделал то же самое. Мы с ним прошли практически вплитирку к прорезиненной обшивке легкого корпуса «Барса» и остановились в двух метрах над рубочной палубой. Прямо под нами оказались люки ракетных шахт с противокорабельными крылатыми ракетами, многозначительно шурящиеся в непроглядную водяную толщу. Стас перевел свой буксировщик в горизонтальное положение и, не включая двигатель, поплыл над палубой к корме. Вскоре луч его фонаря выхватил из темноты довольно странное для непосвященного наблюдателя сооружение, карикатурно напоминающее саму подводную лодку, над палубой которой мы плыли. Что и говорить, двухместный глубоководный носитель «Тритон-2М» не отличается красотой и больше напоминает выкрашенную в черный цвет пивную бочку из времен моего детства, чем управляемый подводный аппарат.

---

⁵ Акваскоп – бесподсветочный прибор ночного видения, выполненный на микроканальных усилителях яркости изображения. Специальное средство наблюдения боевых пловцов, имеющее три режима использования: над водой, под водой, из-под воды.

Но, несмотря на незатейливый внешний вид, «Тритон-2М» способен развивать скорость до десяти узлов и нырять на глубину до двухсот метров. Его запас хода, без подзарядки аккумуляторных батарей, составляет шестьдесят миль, а без движения он может лежать на грунте до десяти суток.

Возле «Тритона» уже возился Мамонтенок, освобождая крепежный хомут, фиксирующий корпус транспортировщика на палубе атомохода. Переключившись на Мамонтенка, я выпустил Стаса из поля зрения и заметил его только тогда, когда он, оставив свой буксировщик, подплыл к Мамонтенку. Жестами он показал Андрею, чтобы тот забирался в рубку, а сам вместо него взялся за крепежную сцепку. В подводном положении отцепить транспортировщик от палубы подводной лодки-носителя – задача непростая и довольно опасная. Не дай бог поранишься о металлические части крепежной системы. В соленой воде порез практически не чувствуется. Не заметишь, как истечешь кровью, и останется только вскинуть лапки да всплыть кверху брюхом. Но сейчас я мог только наблюдать за действиями Стаса. Согласно боевому расчету я следил за окружающей обстановкой, прикрывая своих товарищей от возможного нападения. Но в этот раз все обошлось без происшествий. Стас благополучно снял все крепежные хомуты. Пока он высвобождал «Тритон» из пут, Андрей переместился к кабине и, сдвинув к корме полусферический стеклянный колпак, проник внутрь отсека управления. Через несколько секунд он вернул колпак на место, отгородившись от нас со Стасом и всего подводного мира прозрачным бронестеклом толщиной с человеческую руку. «Тритон-2М» относится к числу подводных транспортировщиков так называемого «мокрого» типа, у которых кабина заполняется водой. А для того чтобы его экипаж под водой мог свободно дышать, не расходуя запас газовой смеси собственных аппаратов, к каждому сиденью с помощью гибких шлангов подведены загубники бортовой дыхательной системы.

На «Тритоне» было достаточно места и для второго пловца. Но, учитывая исключительную важность порученного нам задания, Стас заранее решил, что на транспортировщике пойдет один Мамонтенок, а мы вдвоем будем прикрывать его снаружи и наблюдать за подводной обстановкой.

Когда Андрей уселся за рычаги управления в кабине и задвинул за собой стеклянный колпак, Стас осветил стекло своим фонарем. Андрей жестом показал ему, что готов отчаливать. Я тоже направил на «Тритон» луч своего фонаря и увидел, что рули глубины на миниатюрной подлodge слегка отклонились вверх. Оказывается, Мамонтенок уже взял на себя управление транспортировщиком. Стас указал лучом своего фонаря в сторону берега. А это уже знак для меня. Я запустил двигатель своего буксировщика и двинулся в указанном направлении. Если доблестные подводники не ошиблись в своих расчетах, до берега осталась всего пара миль, которые можно проплыть за полчаса при хорошей скорости хода...

* * *

Вода была не такой уж и холодной – градусов пятнадцать. В сухом изолированном гидромассажном бассейне я почти не ощущал холода. Что ж, тем лучше! Легче будет работать. Я сам хоть родом и из средней полосы, но все же отдаю предпочтение теплой воде, нежели холодной. А в десятиметровой зоне у поверхности вода сейчас вообще как парное молоко. Не случайно на мысе Хаттерас – излюбленном месте яхтсменов и серфингистов Северной Каролины, курортный сезон открывается в начале мая. А сейчас уже почти середина месяца. Правда, на больших глубинах время года не имеет значения. Там температура всегда одинаковая – проще говоря, вода тут ледяная. Я нырял глубже сотни метров сорок семь раз и могу сказать это со всей ответственностью. Но сейчас я надеюсь обойтись без глубоководных погружений. Восточный шельф Северо-Американского материка мелководен, и в том районе, где проходят ходовые испытания пресловутого невидимого «Атланта», глубина не превышает ста метров. Значит, гаранти-

ровано, что американская подлодка не опустится ниже шестидесяти. При большем погружении слой воды может не выдержать тысячетонную махину атомохода, и тогда лодка просто рухнет на морское дно. Скорее всего капитан «Атланта», страхуясь, не позволит лодке погрузиться ниже пятидесяти метров. Да в этом и нет необходимости. Ведь цель ходовых испытаний – не проверка прочности корпуса лодки, а наблюдение за работой силовой установки в различных скоростных режимах. Но пятьдесят метров – это вполне рабочая глубина для боевого пловца в легком водолазном снаряжении. Поэтому у нас есть все шансы подобраться к американскому атомоходу и установить на его корпусе миниатюрное, но весьма чуткое устройство, которое запишет все гидроакустические характеристики невидимого подводного крейсера. Затем нам останется лишь снять АЗУ⁶ с корпуса РПКСН и вручить сей бесценный подарок командованию флота. На мой взгляд, самое сложное в этой задаче – обнаружить американскую подлодку. Но я надеюсь на сверхчувствительный радиометр, установленный на «Тритоне» специально для этой цели. Каким бы бесшумным ни был американский «Атлант», вода в его кильватерном следе все равно должна обладать повышенным радиоактивным фоном. Вот такой радиоактивный след мы и будем искать. Задачи, которые нам порой приходится решать, непосвященному обывателю могут показаться невыполнимыми. Но именно такие заблуждения (особенно, если заблуждается противник) делают возможным успех операции «морских дьяволов». А я, со своей стороны, всегда верил в успех. Еще бы мне не верить, ведь я работаю в одной команде с такими людьми!

Со Стасом Вороховым я познакомился в день своего зачисления в специальный отряд боевых пловцов Главного управления разведки ВМФ. Мы одновременно получили назначение и вместе убыли на учебно-тренировочную базу нашего отряда. На базе «дьяволы»-старики поначалу отнеслись к Стасу, мягко говоря, критически. Ведь он не «чистопородный» морской офицер. Окончил общевоинское командное училище, получил назначение в морскую пехоту, отличился в нескольких операциях, после чего попал в подводный спецназ. Вновь отличился, на этот раз уже в Северном море, где-то у берегов то ли Дании, то ли Норвегии (Стас о своей прошлой службе не очень-то распространяется, он не треплю). Видно, операция, в которой он участвовал, имела важное значение. Во всяком случае, Стаса заметили и сразу же перевели в спецотряд подводных диверсантов военно-морской разведки. Думаю, если бы Стас рассказал в отряде о своих подвигах, то все подначивающие его острословы сразу притихли. Но Стас гордый. Он этого не сделал. Зато на тренировках так тянул из себя жилы, что в конце концов заставил себя уважать. А когда он во время тренировочного боя с группой боевых пловцов условного противника вывел из строя рули «вражеского» судна обеспечения, то даже самые ярые насмешники заткнули свои рты.

В отличие от Стаса мне не пришлось ничего доказывать своим новым сослуживцам, так как у меня за плечами уже была водолазная школа и Тихоокеанское высшее военно-морское училище, где я окончил минно-торпедный факультет. Среди курсантов ТОВВМУ ходила поговорка: «Если хочешь быть дубиной, изучай торпеду с миной». Но я на нее не обижался. В отличие от своих сокурсников я еще до состоявшегося распределения знал, что вернусь в отряд боевых пловцов Тихоокеанского флота, где я ранее отслужил неполных три года своей срочной службы. После окончания училища, уже в звании лейтенанта, я действительно вернулся в родной отряд, но вскоре получил новое назначение. И не куда-нибудь, а в самое элитное подразделение подводного спецназа – в спецотряд «морских дьяволов» Главного управления разведки всего российского Военно-Морского Флота!

Так как мы со Стасом прибыли в отряд вместе, то нас поставили в одну боевую пару. Ворохова назначили старшим, что я поначалу посчитал несправедливым, так как был уверен –

---

⁶ АЗУ – автономное запоминающее устройство.

моя подготовка лучше, чем у какого-то «сапога».⁷ Я действительно и плавал быстрее Стаса, и стрелял точнее, и ножом работал искуснее, но вот тактиком и стратегом, по сравнению с ним, оказался никудышным. Мне хватило двух тренировочных подводных боев, чтобы это понять. Первый раз вместо встречного поиска группы пловцов условного противника Стас предложил устроить засаду. Мы тогда атаковали отчаявшуюся обнаружить нас вражескую боевую пару и добились успеха за счет эффекта внезапности. А случай с рулями вражеского мотобота – это же просто картинка! Следуя задумке Стаса, я отвлек на себя четверых противников и увел их от судна обеспечения. И пока они безуспешно гонялись за мной, Стас преспокойно подплыл к мотоботу и снял с него рулевое перо. В конце концов я страшно зауважал Стаса и очень огорчился, когда нас разделили по разным группам.

Я был назначен заместителем командира в группу капитана третьего ранга Рощина, имевшего прозвище Старик. Все в отряде говорили, что мне страшно повезло. Да и я сам тогда тоже так считал. Еще бы! Кап-три Рощин считался чуть ли не легендой «морских дьяволов». В отряде – еще с советских времен – на его счету двести глубоководных погружений, пятьдесят боевых операций, а наград больше, чем у кого бы то ни было. Когда в начале 90-х годов, в эпоху создания Российской Армии, а проще говоря – развала Советской, «морским дьяволам» резко срезали финансирование, а затем и вовсе собирались расформировать, командир отряда как-то смог доказать в Штабе ВМФ действенность и необходимость существования нашего подразделения. Видимо, привел примеры нескольких успешных операций. По слухам, в половине из них принимал участие мой командир – Илья Константинович Рощин.

Что и говорить, службу с таким человеком я считал очень перспективной и надеялся, поднабрав у него опыта, через годик-другой возглавить собственную группу. Но, увы, год проходил за годом, я давно уже получил третью звездочку на погоны, а все ходил у Рощина в замах. Стас уже давно командовал группой, а на меня никак не желали писать представления. Я бы еще мог его понять, если у него были ко мне претензии по службе. Так ведь нет! И во время тренировок, и во время боевой работы я все делал четко и грамотно. Старик сам меня за это хвалил, но аттестацию на должность командира группы упорно не подписывал. Я злился, но ничего поделать не мог. Поэтому, признаюсь честно, обрадовался, когда Старика после очередного медосмотра врачи запретили глубоководные погружения. Я был уверен, что уж теперь-то Старик уйдет на пенсию (у него выслуга давно зашкалила за двадцать пять лет) и группа достанется мне. Старик сразу помрачнел. И хоть он не говорил мне об этом, я вскоре узнал, что он подал рапорт об отставке. Я, надо сказать, испытал тогда двойственные чувства. С одной стороны, мне было жаль Старика. Все-таки он – настоящий мужик, с которым можно хоть в горы идти, хоть под воду. Как-никак, мы вместе проплавали два с половиной года и не раз выручали друг друга. Но с другой стороны, не вечно же ему командовать группой. Каждому мастеру рано или поздно приходит пора уступить дорогу своему ученику. Да и сам Старик не двуличный. Вон наши эскулапы обнаружили у него в сердце какие-то сбои, потому и запретили нырять на глубину. В общем, я уже настроился на то, что Старик вот-вот начнет передавать мне дела (хотя какие у командира диверсионно-разведывательной группы «морских дьяволов» могут быть дела), а тут появляется приказ: мне и Старика вместе с другой парой боевых пловцов готовиться к новой операции.

Меня этот приказ шарахнул, словно обухом по голове. Раз командование опять поручает Старика руководить, значит, ни в какую отставку он не собирается, а я, выходит, по-прежнему остаюсь при нем замом. У меня отлегло от сердца, лишь когда я позже узнал, что в этот раз группой будет командовать не Старик, а мой давний друг Стас Ворохов, а Старика поручается другая задача: находясь на берегу, обеспечивать прикрытие операции.

---

⁷ Сапог – жаргонное обозначение армейских или сухопутных офицеров, бытующее среди военных моряков, в форму которых не входят армейские сапоги.

Четвертым моим напарником оказался недавний выпускник Ленинградского командно-инженерного училища подводного флота лейтенант Андрей Мамонтов, которого я за свойственную всем новичкам неуклюжесть сразу прозвал Мамонтенком. Вообще-то судьба Андрюхи в точности повторяла мою, с той лишь разницей, что он был зачислен в отряд «морских дьяволов» сразу после окончания училища. Меня, признаться, такая поспешность сильно удивила. Я даже стал подозревать наличие у Мамонтенка мохнатой лапы. Но все оказалось проще, тем более что мне не известно ни одного случая, когда «морским дьяволом» кто-нибудь стал по блату. Не такая у нас профессия, чтобы блатники стремились ее приобрести. Андрюха же еще в училище участвовал в какой-то НИОКР⁸ по разработке высокоскоростных глубоководных аппаратов. Будучи курсантом, он досконально изучил эту технику и пришел в отряд как специалист по подводным транспортировщикам. Мы как раз только что получили пару аппаратов новейшей модели «Тритон-2М», и Андрюха активно взялся за их освоение. Как и все новички, он прошел «курс морского дьявола», где, как оказалось, его натаскивал мой старый друг Стас Ворохов. Когда я об этом узнал, мне сразу стал понятен подбор группы. Стас и я имеем опыт работы в паре с двумя членами группы, Мамонтенок – оператор «Тритона», вот только роль Старика мне не до конца ясна. Но Стас заверил меня, что никто не справился бы с поставленной перед Стариком задачей лучше, чем он.

---

⁸ НИОКР – научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа.

НАД ВОДОЙ

02.30

Сквозь приоткрытый иллюминатор слышался тихий плеск волн, накатывающихся на борт корабля. Обычно он успокаивал, но в эту ночь, наоборот, не давал заснуть.

Капитан первого ранга Военно-морских сил США Джон Трентон опустил ноги на пол каюты и, встав с койки, подошел к иллюминатору. Всего месяц назад он был переведен из разведывательного центра военно-морских операций в центральный аппарат ЦРУ на должность генерального инспектора по безопасности стратегических оборонных программ. Возглавляемый Трентоном совет по новым технологиям в разведывательном центре военно-морских операций принимал самое активное участие при подготовке программы «Призраки глубин», детищем которой стал уникальный подводный ракетоносец с громким названием «Атлант» – первый корабль в принципиально новом классе подводных лодок. Именно появлению этого корабля Трентон был обязан своим новым назначением, сделавшим его фактически одним из заместителей директора ЦРУ. Успешная реализация дорогостоящей оборонной программы сулила вновь назначенному генеральному инспектору большие выгоды: дальнейший карьерный рост, укрепление связей в конгрессе и сенате, а также с руководителями ведущих военно-промышленных компаний. Для Трентона было крайне важно, чтобы ходовые испытания спущенного на воду атомохода прошли успешно, поэтому он лично контролировал весь ход их проведения.

Трентон распахнул настежь иллюминатор, и в каюту ворвался прохладный морской воздух. «Полнолуние, – прошептал Трентон, глядя на висящий в вышине диск луны. – Вот мне и не спится». Он несколько раз вдохнул полной грудью, словно пробуя на вкус соленый океанский ветер. Решив, что в ближайший час ему все равно не заснуть, Трентон надел форменную одежду и вышел из каюты.

Несмотря на звание морского офицера, настоящим моряком он так и не стал. Его сражения проходили в кабинете при свете настольной лампы. Но спустя несколько часов, дней или месяцев уже реальные мотоботы, быстроходные катера, используемые в интересах разведки рыболовецкие шхуны и даже подводные лодки входили в чужие территориальные воды, отрабатывая задачи, сформулированные Трентоном в тиши своего офиса. Туда же стекалась добытая исполнителями информация, а также и отчеты о понесенных потерях. Но иногда, когда того требовала обстановка, Джон Трентон покидал свой уютный кабинет с кондиционированным воздухом и на борту авианосца, крейсера или фрегата отправлялся на боевые операции. Но и в этих случаях под воду или к вражескому берегу отправлялись другие люди. Это они минировали выходы из портов, устанавливали на проходящих по дну телеграфно-телефонных кабелях устройства съема информации, снабжали поддерживаемые правительством США партизанские отряды оружием и деньгами, взрывали вражеские склады, линии связи и коммуникации. Время от времени, возвращаясь с задания, они привозили с собой раненых или погибших товарищей. Такие моменты Джон Трентон не любил более всего. Вид трупов и крови вызывал у привыкшего к кабинетной работе офицера брезгливое отвращение, часто сопровождаемое приступами тошноты. В таких случаях Трентон сухо говорил положенные слова сочувствия и спешил уйти в выделенную ему отдельную каюту.

Вот уже шестые сутки сейчас он оставался на борту эсминца «Роуэл». На корабле в его распоряжении находились адмиральские апартаменты, имеющие собственную душевую, отдельную спальню и рабочий кабинет со встроенным в стену баром, где были даже крепкие

спиртные напитки – недопустимая роскошь для любого члена команды, включая самого капитана. Трентон как генеральный инспектор центрального аппарата ЦРУ контролировал проведение ходовых испытаний суперсекретного подводного ракетносца на морском полигоне у мыса Хаттерас. И от того заключения, которое он напишет об обеспечении безопасности ходовых испытаний, зависит дальнейшая служебная карьера командиров кораблей боевого охранения и подчиненных им офицеров. Поэтому командор Дженингс – командир эсминца «Роуэл» и давний знакомый Трентона – распорядился выделить капитану первого ранга лучшую на корабле каюту. Но произвести впечатление на генерального инспектора оказалось не так-то просто. Трентон привык к такому почтению, поэтому даже не поблагодарил своего старого друга...

Пройдя по пустующему в ночное время коридору, генеральный инспектор поднялся на капитанский мостик. Заметив вошедшего каперанга,⁹ вахтенный офицер вытянулся по стойке «смирно» и по-военному четко отрапортовал. Трентон лишь вяло кивнул в ответ.

– Где сейчас находится «Атлант»? – спросил он.

– Слева от нас в десяти кабельтовых¹⁰ всплыл под перископ для вентиляции отсеков.

– Какова подводная обстановка? Гостей поблизости нет? – уточнил Трентон, имея в виду российскую подводную лодку, двое суток назад пытавшуюся проникнуть в район ходовых испытаний.

– Нет, сэр! Гидроакустический горизонт чист, – уверенно доложил вахтенный офицер.

Его уверенность основывалась на регулярных сообщениях технических постов слежения, поступающих на капитанский мостик каждые полчаса. Последний доклад, принятый вахтенным офицером всего несколько минут назад, свидетельствовал о том, что в радиусе нескольких десятков миль от места стоянки эсминца, помимо всплывшего до перископной глубины «Атланта» и двух фрегатов из состава боевого охранения, нет ни одной крупной или малоразмерной цели.

– Вы не знаете, отчего у меня бессонница? – неожиданно для вахтенного офицера вдруг спросил Трентон. – Может быть, это как-то связано с полнолунием?

– Не могу знать, сэр.

По твердому убеждению вахтенного офицера, у занятого службой моряка бессонницы просто не могло быть. Его собственный глубокий сон являлся этому отличным доказательством. Однако, чтобы не навлечь на себя гнев проверяющего, вахтенный офицер ограничился неопределенным ответом.

Трентон вздохнул и, оставив капитанский мостик, направился в радиорубку. Ночью смену там нес один из двух радистов. При появлении генерального инспектора он, как ранее и вахтенный офицер, вытянулся по стойке «смирно».

– Для меня есть сообщения?

– Никак нет, сэр!

Пропустив мимо ушей ответ радиста, Трентон принялся перебирать бланки полученных радиogramм. Внезапно черты его лица заострились, а взгляд впился в отпечатанный на одном из бланков текст.

– Вы что себе позволяете?! – Генеральный инспектор гневно взглянул на радиста. – Я же ясно приказал: все важные сообщения докладывать мне немедленно в любое время суток! – Трентон сунул под нос радиста бланк только что прочитанной телеграммы.

– Но, – растерянно произнес радист, снова прочитав полученную три часа назад телеграмму. – Это же не об «Атланте». Я посчитал, что сообщение не столь важно, чтобы беспокоить вас среди ночи.

---

⁹ Каперанг – капитан 1-го ранга (морской сленг).

¹⁰ Кабельтов – 0,1 морской мили (185,2 м).

– Ах это вы так посчитали! – взорвался Трентон. – Америка тратит миллиарды долларов на систему спутникового наблюдения за подводными лодками наших противников – и ради чего?! Чтобы вы, лейтенант, попросту игнорировали данные космической разведки?! Вы приняли сообщение о том, что российская АПЛ «Барс», следившая за ходом испытаний «Атланта», всплыла в нейтральных водах в надводное положение и осуществила прием груза, доставленного российским гидросамолетом, и посчитали это недостаточно важным?!

– Да, но это произошло более чем в четырехстах милях от испытательного полигона, – попробовал оправдаться радист.

– Прежде всего вы должны были обратить внимание на то, когда это произошло! – продолжал негодовать Трентон. – Двадцать девять часов назад российская подводная лодка приняла на борт дополнительное оборудование! Двадцать девять! – еще раз повторил он. – Этого вполне достаточно, чтобы скрытно вернуться к нашему морскому полигону и задействовать доставленную шпионскую аппаратуру для наблюдения за «Атлантом».

В поступившей радиограмме ничего не говорилось о назначении принятого российской подлодкой груза. Но радист не решился оспаривать мнение одного из руководителей ЦРУ и выдал единственно верную в его положении фразу:

– Да, сэр! С моей стороны такого больше не повторится!

Как это часто бывает, признание подчиненным собственных ошибок в какой-то мере успокоило разъяренного инспектора. Уже более спокойным голосом Трентон приказал:

– Запросите в штабе ВМС от моего имени сведения о дальнейшем маршруте российской подлодки и немедленно доложите мне. Я буду на капитанском мостике.

– Есть, сэр! – успел ответить радист, пока инспектор не скрылся за дверью радиорубки.

Вновь поднявшись на капитанский мостик, Трентон обратился к вахтенному офицеру:

– Срочно вызовите сюда Дженингса!

– Командор Дженингс отдыхает, – растерянно ответил вахтенный офицер.

– Так разбудите его! – теряя терпение, рявкнул Трентон.

В его голосе было столько властности, что вахтенный офицер немедленно отправил посыльного матроса за командиром корабля. Спустя несколько минут на капитанском мостике появился помятый и невыспавшийся командор Дженингс.

– Что случилось, Джон? – обратился он к Трентону, сразу определив, по чьей прихоти был прерван его сон.

– Помнишь ту российскую подлодку, которую мы отогнали от нашего полигона двое суток назад? Так вот, около тридцати часов назад она приняла на борт дополнительную аппаратуру, доставленную российским самолетом-амфибией и предназначенную, очевидно, для слежения за «Атлантом».

– И что, русская лодка вернулась? – слегка скосив глаза в сторону вахтенного офицера, поинтересовался Дженингс.

В случае появления в районе испытаний любой подводной или надводной цели, тем более подводной лодки потенциального противника, вахтенный офицер обязан был немедленно уведомить командира эсминца. Командор Дженингс верил в добросовестность своих офицеров, поэтому не сомневался – раз его не оповестили, значит, подводная лодка русских не вернулась и, следовательно, нет причин для беспокойства. Но Трентон думал иначе.

– Она вернется, Майкл, – уверенно заключил он. – Российская подлодка вернется, потому что русским нужен «Атлант». Нужны его характеристики, без которых вся их система противолодочной обороны просто развалится. Поэтому им крайне важно заполучить гидроакустический портрет «Атланта». А мы обязаны им в этом помешать. Мы перехватим русскую подлодку на подходе к полигону. Все корабли боевого охранения необходимо немедленно направить на ее поиск.

Майклу Дженингсу хотелось послать ко всем морским чертям сумасбродного инспектора, вернуться в каюту и спокойно заснуть. Но он лишь беззвучно пожевал нижнюю губу, после чего сказал:

– Джон, у меня есть приказ командования: не покидать район испытаний без достаточных на то оснований. Я высоко ценю твою интуицию, однако прием подводной лодкой русских дополнительного груза не является достаточным основанием, чтобы выводить из района ходовых испытаний корабли боевого охранения. – Несмотря на все старание, ответ, по мнению самого Дженингса, прозвучал слишком дерзко. Желая сгладить невольную резкость, командир эсминца добавил: – К тому же ты не знаешь курса российской подводной лодки. Куда прикажешь направить корабли?

Последнее замечание было абсолютно верным. Перехватывать цель, даже приблизительно не зная район ее местонахождения, представлялось бессмысленной затеей. Именно поэтому Трентон приказал радисту запросить в штабе ВМС сведения о курсе российской подводной лодки, однако он до сих пор не выполнил приказ.

– Вызовите на мостик вашего радиста! – обратился Трентон к вахтенному офицеру.

Тот уже собирался вызвать по внутренней связи радиорубку, но в этот момент радист сам появился на мостике.

– Господин капитан первого ранга, в штабе ВМС нет интересующих вас сведений, – произнес он, виновато глядя на Трентона. Но генерального инспектора было сложно заставить отказаться от своих намерений.

– Соедините меня с командованием базы Норфолк! – потребовал он у командира фрегата.

Встретившись глазами с требовательным взглядом Трентона, Майкл Дженингс нехотя кивнул своему вахтенному офицеру. Спустя пару минут Трентон по закрытой от прослушивания спутниковой системе связи разговаривал с оперативным дежурным штаба военной базы. Полигон у мыса Хаттерас охранялся кораблями, приписанными к военно-морской базе Норфолк, поэтому ее командование также несло ответственность за безопасность проведения испытаний новейшего подводного крейсера. Закончив разговор и вернув вахтенному офицеру трубку спутникового телефона, Трентон с удовлетворением взглянул на командира фрегата:

– Ну вот, Майкл, берег нам поможет. Норфолк направляет «воздушного охотника» на поиск российской подлодки. Самолет пройдет по маршруту от точки всплытия подлодки до нашего испытательного полигона. Боюсь только, как бы русские не оказались умнее и не зашли с юга, где мы их не ждем. Поэтому направь вертолет на южную оконечность мыса. Так мы сможем обнаружить незваных гостей, откуда бы те ни зашли.

Командор Дженингс вновь задумался. Отправить на поиск русской подлодки противолодочный вертолет куда проще, чем поднять по тревоге всю команду корабля. Поэтому Дженингс согласился:

– О'кей, Джон. Вертолет будет готов к вылету через четверть часа.

Ровно через пятнадцать минут с палубы эсминца «Роуэл» в небо поднялся противолодочный вертолет, имеющий на борту спускаемый гидролокатор. Еще через сорок минут с аэродрома военно-морской базы Норфолк взлетел двухмоторный «Орион»,¹¹ несущий в своем вместительном чреве акустическую, магнито– и радиометрическую аппаратуру, предназначенную для поиска подводных лодок. «Воздушный охотник», прозванный так по аналогии с противолодочными кораблями, называемыми «морскими охотниками», взял курс на северо-восток. Противолодочный вертолет с фрегата «Роуэл» полетел строго на юг.

---

¹¹ «Р-3С» «Орион» – основной противолодочный разведывательный самолет береговой авиации ВМС США.

ПОД ВОДОЙ

03.00

В отсеках субмарины никогда не бывает абсолютной тишины. Тишина означает смерть подводного корабля. Но пока он жив, самые разнообразные звуки нарушают безмолвие. Бурлит вода в охлаждающем контуре атомного реактора. Тихо потрескивает система регенерации воздуха. Свистит продувающий балластные цистерны воздух. Мерно гудят многочисленные электроприборы. Перекрывая механический шум, то и дело раздаются команды командира подводной лодки, его помощников и вахтенных офицеров. В ответ звучат доклады командиров боевых частей, мичманов и матросов.

За пятнадцать лет плаваний на различных типах подводных лодок капитан второго ранга Петровский привык к этому шуму и научился не замечать его. Но сейчас командиру очень хотелось, чтобы эти звуки здесь стали как можно тише. Чтобы его «Барс», зависший в водной толще в двух милях от Восточного побережья США и в пятнадцати от южной границы морского полигона у мыса Хаттерас, стал таким же бесшумным, как испытываемый американцами подводный крейсер. По всем международным морским законам российская подводная лодка являлась нарушителем, а ее моряки – преступниками, незаконно проникшими на территорию Соединенных Штатов.

Петровский в очередной раз взглянул на циферблат своих наручных часов. «Уже час, как группа боевых пловцов покинула лодку. Нет, не стоит себя обманывать. Прошло еще только пятьдесят семь минут. Командир группы заверил меня, что они доберутся до берега за пятьдесят минут, значит, они уже там. Им же нужно было еще отстыковать от палубы свою СПЛ! – тут же поправил себя Петровский. – Они еще в пути. Сколько у них ушло на расстыковку? Полчаса, меньше? Пусть двадцать минут. Получается семьдесят минут до берега, да пятьдесят обратно, если они не смогут высадиться. По приказу, лодка должна ждать группу боевых пловцов в течение четырех часов. Четыре часа у чужого берега! Интересно, как в штабе себе это представляют? И все же для уверенности мы должны их подождать хотя бы еще два часа. Хотя бы два часа», – еще раз повторил Петровский, снова взглянув на свои наручные часы.

– Центральный! Это акустик!

– Есть центральный! – Петровский поспешно схватил микрофон внутренней связи. – Слушаю вас, акустик?!

– По пеленгу «двести шестьдесят» наблюдаю работу гидролокатора. Дистанция пятнадцать кабельтовых, – последовал четкий доклад.

«Гидролокатор – и всего в пятнадцати кабельтовых! Откуда он взялся?! Наверняка спустили на тросе с вертолета, иначе акустики услышали бы и шумы винтов приближающихся кораблей. Раз идет активный поиск, то, конечно, американцы знают о нашем присутствии».

– Надо уходить, пока нас не обнаружили, – подал голос старший помощник. – Иначе могут и бомбами забросать. А глубины здесь аховые, нырнуть не удастся. Значит, и от бомб не скроешься.

То, что обычно немногословный старпом расщедрился на столь длинную фразу, свидетельствовало о крайней степени его волнения.

– Штурман! Глубина под килем?!

– Пятьдесят метров, – немедленно отозвался штурман.

В ходовой рубке установилась напряженная тишина. Никто из присутствующих на центральном посту больше не решался отвлекать командира. Ситуация была непростой.

Чтобы не дать обнаружить себя противолодочному вертолету, обследующему акваторию с помощью гидролокатора, лодку нужно было немедленно уводить в нейтральные воды. Но уйти сейчас – значит бросить выпущенную час назад тройку боевых пловцов на произвол судьбы. Ведь в случае, если пловцы по какой-то причине вынуждены будут повернуть назад, они наверняка погибнут, не встретившись с лодкой в заданном районе. Потому что дышать под водой можно лишь до определенного момента – до выработки регенерирующего состава в дыхательном аппарате. А остаться на месте – это дать себя обнаружить вертолету с гидролокатором. Проанализировав все обстоятельства, командир «Барса» пришел к выводу, что американцы вполне могут потопить вторгшуюся в их территориальные воды российскую подводную лодку.

Петровский обвел взглядом офицеров, собравшихся вместе с ним на центральном посту. Все они и еще сто тринадцать человек экипажа подводной лодки доверили ему свои жизни и вправе теперь рассчитывать, что в критический момент командир корабля спасет их. Но ведь и трое боевых пловцов тоже вправе надеяться, что лодка-носитель не уйдет, бросив их в морской пучине. Тем не менее судьба своего экипажа для командира подводной лодки оказалась дороже жизни «морских дьяволов», отправившихся к американскому берегу.

– Руль право на борт! Разворот на сто восемьдесят градусов! Малый вперед! Штурман, рассчитать маневр отрыва! – скомандовал Петровский по микрофону внутренней связи, а потом повторил специально для офицеров вахтенной смены центрального поста: – Уходим.

Прикрытая сорокаметровым слоем воды, стальная сигара подводной лодки медленно развернулась в океанской толще. Оставив за кормой враждебный американский берег, АПЛ «Барс» уходила в открытое море. По мере удаления от берега увеличилась и дистанция до спущенного с противолодочного вертолета гидролокатора.

– Дистанция до гидролокатора двадцать кабельтовых. Контакт с целью нечеткий, – доложил акустик.

– Есть, акустик, – отозвался Петровский.

– Глубина под килем шестьдесят метров, – сообщил на центральный пост оператор эхолота. – Семьдесят... восемьдесят... сто.

– Погружение пятьдесят метров! – скомандовал Петровский, оставляя под килем прежний запас глубины.

Напоминающие расправленные крылья горизонтальные кормовые рули отогнулись вниз, и набегающий водяной поток направил лодку в пучину, туда, где ее уже не мог достать луч спущенного с противолодочного вертолета гидролокатора. Через несколько минут, подтверждая результативность выполненного маневра, гидроакустик доложил на центральный пост, что контакт с гидролокатором потерян. Приняв доклад, капитан второго ранга Петровский облегченно перевел дыхание. Лишь тревога за судьбу трех боевых пловцов, с которыми он, по сути, даже не успел познакомиться, не давала командиру подводной лодки почувствовать полное спокойствие.

ПУТЬ К БЕРЕГУ

03.10

Подводный мир красив и многообразен. Переливаясь в солнечных лучах, играют у поверхности серебристые рыбки. Ярко расцвеченные рыбы-попугаи снуют между кораллов. Из расщелин подводных скал высовывают головы, вытягивая длинные гибкие шеи, змееподобные мурены. На дне, распустив шупальца, колышутся в воде разноцветные актинии. Бродят в поисках пищи лангусты и крабы, неспешно переползают с места на место угольно-черные морские ежи и кроваво-красные морские звезды. Но как только солнце опускается за горизонт, краски тускнеют. Исчезают, словно растворяясь в воде, разноцветные рыбы. Донные обитатели сливаются с морским дном. А прозрачная лазурная вода становится черной. С наступлением ночи подводный мир погружается во мрак. И ныряльщик, который отважился на ночное погружение, не может разглядеть под водой даже собственные руки.

И все же подводная тьма не является полной. Под воду проникают и лучи далеких звезд, и отраженный луной солнечный свет. Именно эти невидимые человеческим глазом световые фотоны способен улавливать микроканальный усилитель яркости изображения, воспроизводя с улучшенной в несколько тысяч раз видимостью картину подводного мира в окулярах акваскопа. Если бы не акваскопы, трое «морских дьяволов», направляющихся к американскому берегу, неминуемо потеряли бы друг друга. Но специальные средства наблюдения позволяли поддерживать между членами группы визуальный контакт. Первым, обозначая направление и задавая темп, плыл Данил Бизяев. За ним на подводном транспортировщике следовал Андрей Мамонтов. Замыкал строй командир группы – капитан-лейтенант Ворохов.

Умение ориентироваться под водой в условиях ограниченной видимости является обязательным для любого боевого пловца. Оно формируется и совершенствуется еще на этапе подготовки в процессе многочисленных тренировочных погружений и затем оттачивается во время реальных боевых операций. Осветительными приборами (фонарями и прожекторами) боевые пловцы пользуются редко, да и то лишь на больших глубинах или вдали от разыскиваемой цели. Перемещающееся под водой световое пятно может выдать боевого пловца и указать противнику на его местонахождение. Для того чтобы облегчить аквалангисту задачу обнаружения цели в темноте подводного мира, помимо акваскопа используются компас, хронометр и глубиномер, а также такие простейшие приспособления, как щупы, в качестве которых используется цельный или раздвижной шест. И все же главное для пловца – это инстинкт!

Именно он подсказал Данилу Бизяеву, что дно полого пошло вверх. Наклонив голову, Данил направил объектив своего акваскопа вертикально вниз, и спустя несколько секунд в окуляре прибора возникло изображение выплывшей из мрака донной скалы. Бизяев тут же отключил двигатель буксировщика и дважды мигнул ручным фонарем, сигнализируя Мамонтову и Ворохову, что достиг берега. В действительности до суши было еще метров триста, но разве это расстояние для опытного «морского дьявола».

Буксировщик с выключенным двигателем по инерции протащил пловца вперед еще на несколько метров и завис вместе с оседлавшим его человеком в водной толще. Инерционность массивного «Тритона» оказалась выше, чем у индивидуального буксировщика, поэтому и подводный транспортировщик не смог остановиться и обогнал Бизяева, вырвавшись вперед. Лишившись подъемной силы, уравнивающей во время движения подводный аппарат, «Тритон» начал медленно погружаться. Андрей Мамонтов, расположившийся в его кабине за штурвалом и рычагами управления, отнесся к этому совершенно спокойно. Судя по показа-

ниям эхолота и глубиномера, дно лежало ниже поверхности океана всего на двадцать метров. Для «Тритона» такая глубина не представляла никакой опасности.

Пока Данил Бизяев вместе со своим буксировщиком висел в водной толще, а Андрей Мамонтов следил, чтобы погружающийся транспортировщик опустился на дно строго горизонтально, без бокового крена, Стас Ворохов тщательно обследовал обнаруженную Бизяевым скалу. Проплыв вокруг нее, он убедился, что нагромождение каменных глыб возвышалось над песчаным дном метров на шесть. Отдельная донная скала являлась хорошим укрытием для подводного носителя «морских дьяволов» и при этом была прекрасным ориентиром при поиске замаскированного на дне снаряжения. В то же время Ворохов не обнаружил вокруг ничего, что могло бы заинтересовать любителей дайвинга или аквалангистов-профессионалов.

Стас подплыл к «Тритону» и постучал ладонью в стекло обзорного колпака, чтобы привлечь внимание Андрея. Потом махнул рукой, показывая направление движения. Андрей вновь запустил двигатели «Тритона» и направил подводный аппарат за плывущим впереди командиром. Оказавшись возле скалы, Ворохов осветил ее своим фонарем, а затем обрисовал лучом контур ложбины на дне. И Андрей, выровняв транспортировщик над освещенным участком морского дна, с ювелирной точностью опустил его на песок в расщелину подводной скалы. Когда он, застопорив двигатель и отключив аккумуляторные батареи, выплыл из ходовой рубки, Ворохов показал ему большой палец правой руки, демонстрируя свое восхищение точностью выполненного маневра. Наблюдавший за погружением «Тритона» Данил Бизяев тоже не поспешил на похвалу, сцепив в замок поднятые над головой руки. Переведя взгляд на командира, он увидел, что Ворохов уже покинул свой буксировщик и, придерживая аппарат одной рукой, плывет к открытой кабине «Тритона». Следуя примеру Ворохова, Бизяев разомкнул крепления плечевых упоров и высвободил руки и ноги из петлеобразных зажимов буксировочного аппарата. Ухватив буксировщик за один из упоров, Данил несколькими мощными гребками ласт догнал Станислава. Помогая друг другу, офицеры поместили свои буксировщики внутрь расположенного за кабиной «Тритона» грузового отсека. Бизяев уже собирался задвинуть на место стеклянный колпак, но Ворохов остановил его и указал рукой на пристегнутый к поясу подводный пистолет. Данил демонстративно коснулся рукой своего лба, показывая, что совершенно забыл об оружии, после чего отстегнул пистолет и вместе с патронташем опустил его внутрь отсека. Следом за ним Ворохов также уложил туда оружие и запасные патроны и лишь затем задвинул обзорной стеклянной полусферой входной рубочный люк. Последний раз взглянув на оставляемый транспортировщик, трое боевых пловцов, неспешно шевеля ластами, медленно двинулись к поверхности. Им предстояло преодолеть двадцатиметровый слой морской воды, чтобы оказаться в совершенно другом мире, наполненном звуками и красками, мире, где можно дышать не через резиновый загубник, соединенный гофрированным шлангом с дыхательным аппаратом, а прямо через рот...

* * *

Серебрящаяся в лунном свете гладь водной поверхности медленно приближалась, и вот уже Данил Бизяев осторожно пробил ее головой. Следом за ним, в трех метрах правее, вынырнул Андрей Мамонтов, а спустя еще пару секунд над водой показалась голова Станислава Ворохова. Три «морских дьявола», готовые в случае опасности снова уйти в глубину, перевели вмонтированные в водолазные маски акваскопы в режим «воздух» и внимательно огляделись.

В отличие от мрака глубины, поверхность океана была залита лунным светом. В ясные лунные ночи освещенные предметы отбрасывают такие же четкие тени, как ярким солнечным днем, поэтому отправляющиеся на задание боевые пловцы предпочитают хмурое ненастье: затянутое низкими тучами черное небо, гасящий посторонние звуки дождь, штормовые волны, с грохотом разбивающиеся о берег, и порывы завывающего ветра. Однако, как доказательство

установившегося на Атлантическом побережье США курортного сезона, на море стоял почти полный штиль, а на безоблачном небе висел яркий диск луны. Но, что было гораздо важнее для морских диверсантов-разведчиков, вокруг не резали водную гладь прогулочные яхты, не качались на волнах рыболовецкие шхуны и не взбивали пену своими винтами катера береговой охраны.

Убедившись в отсутствии возможных наблюдателей, Стас Ворохов перевел взгляд на берег. Определить на глаз расстояние до него, когда неразличима граница воды и суши, практически невозможно. Но Ворохова это и не интересовало. Он искал ориентиры – две отстоящие друг от друга на сотню метров скалы, указывающие вход в бухту. Там их должен был ждать капитан третьего ранга Рошин.

Справа на горизонте небо оказалось чуть светлее. Стас понял, что именно в той стороне располагается прибрежный курортный город Дулит, где его группе предстояло легализоваться на время выполнения задания. Но сделать это можно было лишь после встречи с Рошиным.

Однако Ворохов так и не смог разглядеть на темнеющем вдали берегу две скалы с полными вершинами. Ни командир группы, ни кто-либо другой из подчиненных ему «морских дьяволов» никогда ранее не видел места, на которое им предстояло высадиться. Поэтому Ворохову приходилось полностью полагаться на составленное кем-то описание береговой линии. Станислав помнил, что от выбранной для встречи с Рошиным бухты до города Дулит ровно девятнадцать километров. Судя по более освещенному участку неба на горизонте, Дулит располагался не менее чем в двадцати километрах к северу. Следовательно, и бухту со скалами-ориентирами нужно было искать в том направлении. Ворохов снова переключил акваскоп в режим «вода» и, подав знак Бизяеву и Мамонтову следовать за собой, параллельно берегу поплыл к северу. Теперь порядок движения изменился. Впереди плыл командир, чуть позади, слева и справа от него, его подчиненные. Не рискуя включать фонари даже для подачи сигналов и ориентируясь под водой исключительно с помощью акваскопов, боевые пловцы шли примерно в метре от поверхности. Через полмили Ворохов, плывущий первым, вновь поднял голову из воды и огляделся. Он чувствовал, что двигался строго по прямой, и тем не менее суша слева от него отделилась еще на добрую сотню метров. Очевидно, в этом месте береговая линия изгибалась, образуя залив или бухту. Вершина крайней скалы справа почти полностью закрывала участок освещенного неба над Дулитом. Осмотрев очертания залива, Стас увидел в глубине бухты вторую скалу, слегка возвышающуюся над береговой линией. Отыскав оба описанных ориентира, он вытянутой рукой указал Бизяеву и Мамонтову на обнаруженные скалы и, развернувшись, уверенно поплыл в сторону берега.

Преодолев под водой еще около трехсот метров, трое «морских дьяволов» заплыли внутрь бухты. Изнутри она выглядела мрачно. Лунный свет сюда почти не проникал, поэтому здесь оказалось гораздо темнее, чем в открытом океане. Скалы отвесно уходили в воду, не позволяя выбраться на берег. И трое боевых пловцов почувствовали себя заключенными в каменном колодце с морской водой. Ворохов поднял к глазам левую руку и, взглянув на стрелки своих часов, недовольно покачал головой. В соответствии с утвержденным планом капитан третьего ранга Рошин, ожидающий в бухте своих товарищей, должен был каждые полчаса подавать с берега условные световые сигналы. Но до момента подачи очередного сигнала было еще двадцать минут, которые трем «морским дьяволом» предстояло провести в воде.

Заметив жест командира, Данил Бизяев тоже взглянул на свои наручные часы и, демонстрируя Ворохову готовность к ожиданию, слегка развел в стороны выставленные из воды руки. Станислав в ответ слегка кивнул головой, затем бесшумно ушел под воду. Здесь он дернул за миниатюрное кольцо на воротах своего прорезиненного комбинезона. В результате рывка соединенная с кольцом полая игла проколола завальцованную фольгой горловину обыкновенного бытового баллончика с двуокисью углерода, и вырывающийся из баллончика углекислый газ мгновенно наполнил эластичный воротник-капюшон водолазного костюма. Как сжатый воз-

дух, вытесняющий забортную воду из балластных цистерн, заставляет всплывать подводную лодку, так и надувшийся воротник вытолкнул тело боевого пловца на поверхность. Простейшее приспособление, работающее по принципу надувного спасательного жилета, позволяет «морскому дьяволу», не тратя силы и не расходуя понапрасну запас газовой смеси в дыхательном аппарате, в полном боевом снаряжении находиться на воде неограниченное время. Для повторного использования спасательного средства необходимо лишь стравить углекислый газ из воротника-капюшона да заменить использованный баллончик. Вынырнув по горло из воды, Ворохов сдвинул на лоб водолазную маску, вытолкнул изо рта загубник, после чего развернулся к берегу и, полностью расслабившись, закачался на волнах в вертикальном положении.

Без акваскопа контуры окружающего пейзажа сразу потеряли четкость изображения. Очертания скал расплылись, а утесы на берегу полностью погрузились в ночную тьму. Зато без стягивающей лицо и плотно облегающей уши водолазной маски наблюдаемая картина наполнилась звуками. Станислав слышал тихий шелест волн, а открытым лицом ощутил слабое движение воздуха и почувствовал уже ставший привычным запах моря... Через несколько секунд к нему присоединились тоже надувшие свои капюшоны Бизяев с Мамонтовым. Только в отличие от своих товарищей Данил развернулся не к берегу, а в сторону выхода из бухты, чтобы контролировать путь отхода на случай возникновения опасности.

Над водой, да еще ночью, даже слабый звук слышен за сотню метров, поэтому трое боевых пловцов не разговаривали и почти не шевелились, чтобы случайным всплеском не выдать своего присутствия. Под водой стрелки трех водонепроницаемых часов бесшумно отсчитывали время. Еле слышно плескалась у скал вода, да дующий с берега слабый ветерок охлаждал мокрые лица. Но вдруг к ставшим уже привычными звукам добавился еще один. Нарастая, он приближался с востока, со стороны океана. Практически одновременно все трое «морских дьяволов» ощутили беспокойство. А спустя еще несколько секунд Ворохов и Бизяев почувствовали страх. Они слишком хорошо знали этот звук, неизменно вызывающий настоящий ужас у любого «морского дьявола», хоть раз побывавшего в серьезной переделке... На мелководье вертолет с соответствующим комплексом аппаратуры – это самый страшный враг боевого пловца. Установленные на внешней подвеске вертолета металлодетекторы и на глубине в двадцать метров способны обнаружить металлические элементы снаряжения «морского дьявола», а двадцатиметровый слой воды не спасет подводного диверсанта от гидравлического удара при взрыве сброшенной с вертолета глубинной бомбы или ручной гранаты.

Вертолет стремительно приближался. Теперь уже и Андрей Мамонтов узнал характерный стрекот его лопастей и испуганно закрутил головой, стараясь разглядеть в темном небе несущуюся по воздуху винтокрылую машину. Данил Бизяев повернул к Ворохову свое встревоженное лицо и облизал соленые от морских брызг губы. Командир разведгруппы боевых пловцов мгновенно просчитал ситуацию. Если вертолет действительно охотится за высадившимися с подводной лодки «морскими дьяволами», то спастись от него в океане не удастся – до безопасных глубин отсюда не менее мили. Махнув рукой своим товарищам, Ворохов быстро поплыл к ближайшей скале. Даже если там не удастся сразу выбраться на берег, то можно будет хотя бы оставить на скале дыхательные аппараты – самые массивные металлические детали снаряжения, и по воде уйти в сторону на безопасное расстояние.

Повинуясь жесту своего командира, Мамонтов и Бизяев устремились за ним. Три пары ласт вспенили морскую воду. И сейчас же в глубине бухты последовали три вспышки света: одна длинная и две короткие. Заметив сигналы, Ворохов стремительно изменил направление. Следом за ним развернулись Мамонтов и Бизяев. Вскоре впереди замаячили поднимающиеся из воды скалы, и среди них вновь вспыхнул фонарь, на несколько мгновений осветив каменистый берег. «Морские дьяволы» в ответ заработали ластами еще интенсивнее, и вот уже Стас, плывущий первым, разглядел у самой воды узкую полоску песка, на которой стоял человек. Ворохов еще не видел его лица, но по выделяющемуся на фоне скал силуэту узнал Илью Кон-

стантиновича Рощина. Ворохов вытянутыми вперед руками коснулся донных камней и, сообщив, что может стоять, поднялся из воды.

– Скорее давайте сюда. Здесь можно укрыться, – шепотом произнес с берега Рощин.

Станислав проворно стянул с ног ласты и, шагнув на берег, ухватился за протянутую Рощиным руку. Разделившаяся перед инфильтрацией¹² в США группа «морских дьяволов» вновь объединилась.

---

¹² Инфильтрация – ввод (проникновение) разведчика-нелегала в страну последующего пребывания.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ БИЗЯЕВ

03.45

Старик встретил нас типичным американцем. На нем была свободная джинсовая рубашка темно-коричневого цвета и камуфляжного цвета жилет со множеством карманов, черные бархатистые джинсы и замшевые кроссовки. Для завершения образа ему бы очень подошла широкополая ковбойская шляпа, но вместо нее он надел на голову какую-то дурацкую бейсболку.

Барражирующий где-то в небе вертолет не оставил нам времени для рукопожатий. И вместо поздравления с благополучным прибытием Старик торопливо прошептал:

– Давайте за мной, – и первым начал карабкаться по выходящей среди скал узкой тропинке.

Мы все втроем, едва сбросив ласты, в темпе рванули за ним. Приближался рассвет, и небо уже значительно побледнело, но в этой бухте ни черта не было видно. И я очень боялся на бегу разорвать гидрокombineзон о какой-нибудь скальный выступ. К счастью, все обошлось. Мы благополучно выбрались на относительно ровный берег, где у Старика оказалась приготовлена машина – какой-то роскошный джип (в темноте я не разобрал его марки). Старик подбежал к джипу и, подняв вверх широкую, как гаражные ворота, заднюю дверь, жестом велел нам забираться в багажник (наверное, опасался вымочить сиденья морской водой, стекающей с наших гидрокombineзонов). Надо признать, что багажное отделение в этом джипе оказалось просторным и мы втроем разместились там совершенно свободно. Старик сейчас же захлопнул крышку и прыгнул за руль. А еще через несколько секунд его джип сорвался с места и покатил в неизвестном мне направлении. Стас тут же принялся стаскивать со спины дыхательный аппарат. Я помог ему, а затем освободился и от своего акваланга. В свою очередь, Стас помог Андрюхе Мамонтову. Услышав за спиной нашу возню, Старик, не оборачиваясь, перебросил нам с переднего сиденья туго набитую дорожную сумку.

– Здесь для вас одежда. Переоденьтесь. Только не перепутайте рост и размеры, – предупредил он нас.

Стас в ответ кивнул головой (словно сидящий к нам спиной Старик мог видеть его жест), стащил с головы водолазную маску, а затем принялся снимать и гидрокombineзон. Избавившись от стесняющего движения прорезиненного костюма, он открыл сумку. Пока Стас перебирал ее содержимое, мы с Мамонтенком тоже кое-как стянули с себя мокрые гидрокombineзоны и надетое под них шерстяное белье. Забавный, надо думать, у нас в этот момент был вид: двое совершенно голых мужиков и еще один в исподнем возятся в багажнике джипа, несущегося по пустынному берегу. Разоблачившись дальше некуда, я повернулся к Стасу. Он уже собирался сунуть мне в руки какой-то пакет, но в последний момент передумал и, обращаясь к сидящему за рулем Старику, произнес:

– Илья Константинович, как будет возможно, остановите.

– Да уже, пожалуй, можно, – отозвался Старик, и его джип сейчас же начал притормаживать, а затем и вовсе остановился.

Оказалось, что мы отъехали на приличное расстояние от берега. Во всяком случае, взглянув через заднее стекло, я уже не увидел океана. Как только машина остановилась, Старик повернулся к нам и назидательным тоном произнес:

– Только, друзья, не Илья Константинович, а Стивен Ларсен. Мы находимся на территории противника. Пусть даже потенциального. Не в этом дело. Главное – противника! То, зачем

мы сюда прибыли, квалифицируется как шпионаж, за который здесь дают пожизненное. И уж если мы не хотим остаток своих дней провести в американской тюрьме, то и называть друг друга должны только легендированными именами, а изъясняться исключительно по-английски. Благо что все его знают превосходно!

Вот в этом весь Старик. Ведь уже не командир группы, а рядовой разведчик, такой, как я или Мамонтенок, а все поучает. Однако Стас лишь улыбнулся в ответ на его замечание и, перейдя на английский, произнес:

– Принято.

Я же не удержался и вставил от себя по-русски:

– Так у нас пока и документов нет.

Старик молча сунул руку под сиденье и, вытащив оттуда пухлый бумажный конверт, протянул его нам:

– Здесь паспорта, водительские права, карточки социального страхования и прочее. Короче, все, что нужно.

Стас сейчас же забрал у него конверт и положил на пол багажника рядом с собой, а мне наконец передал извлеченный из сумки пластиковый пакет. Как я и ожидал, в пакете оказалась моя новая «сухопутная» одежда: пестрая ковбойская рубашка с кожаными вставками и свисающими с плеч узкими кожаными полосками; две футболки, одна белая, другая темная; джинсы, похожие на те, что надел сам Старик; пара носков и хлопчатобумажных плавок и коричневые туфли с металлическими пряжками из чрезвычайно мягкой на ощупь кожи. Я быстро натянул на себя эту «спецодежду», отдав при этом предпочтение темной футболке.

Следом за мной оделся Мамонтенок. Я заметил, что в его пакете не оказалось трусов, но их отсутствие компенсировалось наличием спортивных шорт. В качестве обуви Старик подобрал Андрею белые с цветными вставками кроссовки. В этих кроссовках, шортах и надетой на выпуск тенниске с короткими рукавами Мамонтенок сразу стал похож на молодого янки, убивающего время на морском курорте. Самым консервативным оказался наряд Стаса. Старик приобрел для него классическую, без затей, голубую рубашку с короткими рукавами, гармонирующие по цвету с ней свободные брюки и светло-коричневые кожаные туфли. Убедившись, что мы переоделись, Старик указал взглядом на опустевшую сумку и добавил:

– Там в боковом кармане наручные часы.

Часы – моя слабость, поэтому я с ходу определил, что Старик припас для нас «Тиссот», «Свотч» и «Ориент». Самым крутым хронометром, конечно, был «Тиссот», «Свотч» тоже смотрелся неплохо, а вот японский «Ориент», увы, оказался дешевой моделью. Естественно, мне он и достался. Я с завистью смотрел, как Стас застегивает на своем запястье браслет «Тиссота», но воздержался от комментариев. По правде сказать, к его нынешнему наряду лучше всего подходили именно эти классические часы. Закончив с экипировкой, Стас повернулся к Старику:

– Стивен, – он поразительно быстро принял предложенные Стариком правила общения. – Как вы думаете, кого выслеживал пролетающий над бухтой вертолет?

– Вряд ли он охотился за вами, – после довольно продолжительной паузы ответил Старик. – Я уже слышал его примерно за час до вашего появления. Тогда он летел в сторону океана...

Старик открыл перчаточный ящик напротив пассажирского сиденья, достал оттуда в несколько раз сложенную карту и, повернув ее к нам, осветил неизвестно откуда взявшимся в его руке пальчиковым фонариком. Как я разобрал, на ней был изображен город Дулит с окрестностями и прибрежной зоной. Причем сама карта оказалась отменной, так как содержала отметки глубин океанского шельфа и уровни высот на берегу. У нас такие карты до сих пор «секретят». Здесь же, судя по всему, точнейшие топографические материалы можно было купить в обыкновенном магазине. На той части карты, которую Старик нам продемонстриро-

вал, оказался участок шельфа. Восстановив по памяти наш путь под водой, я определил примерное место, где мы высадились с подводной лодки.

– Вертолет шел отсюда, а затем ушел вот сюда...

Водя по карте лучом своего карманного фонаря, Старик показал нам путь вертолета. Если я не ошибся с определением координат высадки, вертолет пролетал как раз над точкой, где нас должна была ожидать лодка-носитель.

– Так что, думаю, он охотился не за вами, а за выпустившей вас подводной лодкой, – закончил Старик свои объяснения.

– Полагаете, носитель обнаружен? – встревоженно спросил Стас.

– Думаю, нет, – возразил ему Рошин. – Если бы вертолет обнаружил нарушившую границу подводную лодку, он бы не улетел так быстро, а сопровождал подлодку, корректируя действия вышедших ей на перехват противолодочных кораблей.

– Значит, полагаете, что американцы, обнаружив нашу подлодку, попытались бы ее потопить? – не унимался Стас.

– Скорее всего, – Старик утвердительно кивнул головой. – Во всяком случае, я бы на их месте именно так и поступил. Ведь скрытность, а следовательно, неуязвимость «Атланта» – это не только принципиально новая стратегия американских ВМС, но и миллиардные ассигнования, которые получит Пентагон. Поэтому для них крайне важно сохранить секретность «Атланта». А утопить российскую подлодку – самый верный способ сбросить эту тайну.

Веселенькая перспектива, нечего сказать! Если для того, чтобы не дать нам подобраться к своей подлодке, янки готовы отправить на дно более сотни ни в чем не повинных людей, то с нами они уж точно миндальничать не будут. И в случае провала нам грозит отнюдь не пожизненное заключение. Полагаю, попадись мы в лапы американской контрразведке, для нас все закончится подвалом, лошадиной дозой «сыворотки правды» и, наконец, пульей в затылок. Андрей, похоже, подумал о том же, о чем и я, потому что сразу посуровел лицом. А вот какие выводы из рассуждений Старика сделал Стас, для меня так и осталось загадкой. Но внешне он остался по-прежнему спокоен. Выяснив у Старика, зачем в эту ночь над океаном летал вертолет, он перешел к обсуждению условий нашей работы и для начала поинтересовался обстановкой в городе. Старик в ответ многозначительно помолчал, выдержав паузу, достойную настоящего драматического актера, а уж когда начал говорить, то всецело завладел нашим вниманием:

– Дулит – небольшой пятнадцатитысячный город на Атлантическом побережье Соединенных Штатов. Южная оконечность мыса Хаттерас, климатический курорт. Курортный сезон длится с мая по ноябрь. По различным данным, от пяти до десяти процентов жителей составляют бывшие военные моряки, многие из которых служили на расположенной по соседству военно-морской базе Норфолк. Примерно столько же здесь туристов, приезжающих на отдых. В основном это молодежь, любители серфинга. Все это можно прочесть в любом туристическом путеводителе, – подытожил Старик свою вступительную речь. – Теперь то, о чем молчат местные справочники. Несмотря на весьма благоприятные условия для проведения разведокций – близость военно-морской базы и большой поток посещающих город туристов, – в Дулите наша разведка никогда не имела оперативных позиций. Даже в советские времена, когда наши спецслужбы были достаточно сильны. Вот только два примера из недавнего прошлого. В 1989 году ГРУ завербовало в Италии офицера с базы Норфолк. Но вскоре после возвращения в Штаты он начал снабжать нашу разведку дезинформацией. Когда же все отношения с ним были разорваны, офицер вообще исчез с военной базы. Спустя десять лет уже СВР готовило вербовку гражданского специалиста с базы Норфолк. Но приехавший в Дулит сотрудник СВР неожиданно обнаружил за собой наблюдение и вынужден был спешно покинуть США. Как следствие, готовящаяся вербовка так и не состоялась.

– Мы изучали эти факты, – подал голос Стас. – На базу Норфолк часто заходят экспериментальные корабли американских ВМС, поэтому вполне естественно, что она имеет хорошее контрразведывательное прикрытие.

– Думаю, что внимание американской контрразведки распространяется не только на базу, но и на ближайший к ней прибрежный город, – заметил в ответ Старик. – Иначе как объяснить, что стоило сотруднику СВР появиться в Дулите, как он сразу попал под колпак.

Рошин по натуре – пессимист. Я это давно заметил. Он всегда готовится к худшему. Вообще-то в нашем деле это оправданно. Перестраховка, которую я вслед за Стариком стал называть «запасом прочности», не раз спасала жизнь многим «морским дьяволам», да и мне, признаться, тоже. В нашем же случае приходится признать, что логика в рассуждениях Старика безусловно есть. Если и не целая сеть осведомителей, то парочка толковых агентов из числа жителей Дулита наверняка работают на военную контрразведку.

– Не удалось установить, кто из жителей может быть связан с контрразведкой? – на всякий случай поинтересовался у Старика Стас, и мне стало чертовски приятно, что я мыслю в унисон с командиром.

Я был уверен, что Старик на последний вопрос Стаса ответит отрицательно. Когда ему было это выяснить? Он в Штаты-то прибыл всего за три дня до нас. Но, к моему изумлению, Старик сказал:

– Вызывает интерес местный шериф Пирс Гроган. Этот тридцатишестилетний красавчик весьма не прост.

– Почему красавчик? – не сдержался я.

– Увидишь его, сразу поймешь, – усмехнулся в свою специально отпущенную бородку Старик. – Для шерифа Гроган одевается чересчур элегантно и дорого, – продолжал он между тем. – К тому же является владельцем сразу двух автомобилей: новенького джипа «Гранд Чероки» последней модели и спортивного «Корвета» – весьма дорогих даже для Америки машин.

– Дополнительный источник дохода? – предположил Стас.

– Определенно, – ответил Старик. – Но это не обязательно жалованье контрразведки. Шериф в Дулите может получать деньги от владельца местного казино или от содержателя подпольного борделя...

– Вы уже и про бордель узнали? – вставил я и многозначительно переглянулся со Стасом, но он, по-моему, так и не понял смысла моего взгляда.

– Для посещаемого туристами курортного городка это скорее правило, чем исключение, – вполне серьезно ответил Старик.

– А что собой представляет этот Гроган как шериф? – в свою очередь поинтересовался Стас.

– Образцовый блюститель порядка, – произнес тот в ответ. Но при этом в голосе Старика прозвучала неприкрытая ирония. – Дулит на редкость благополучный город, – продолжал он с прежней иронией, – где едва ли не самый низкий уровень преступности во всем штате и, наоборот, самый высокий уровень раскрываемости.

– Полагаете, Гроган манипулирует с отчетностью? – уточнил Стас.

– Определенно, – уверенно ответил Старик. – Для сравнения, в Уилмингтоне или Атлантик-Сити преступлений регистрируется на порядок больше. Для курортного города, каким является Дулит, заявляемый уровень просто нереален. Думаю, такая же картина и с раскрываемостью. Кстати, по штату шерифу такого городка, как Дулит, положены шесть помощников, а Гроган обходится четырьмя.

– У него с помощниками какие-то общие дела, в которые они не хотят посвящать посторонних, – предположил Стас.

– Скорее всего, – кивнул головой Рошин.

– Поняли? – Стас повернулся и посмотрел сначала на меня, затем на Андрея. – Нам лучше держаться подальше от местного шерифа и его помощников.

– Во всяком случае, стараться не привлекать к себе их внимание, – заметил Старик.

– Действительно, зачем карцинологам,¹³ изучающим биологию морских раков, какие-то полицейские? – попробовал пошутить я, переняв ироничный тон Старика.

Очевидно, шутка оказалась неудачной, потому что Старик резко повернулся ко мне и отчетливо произнес:

– Не «раков», а «ракообразных». Потому что лангусты, или лобстеры, как их называют в США, – это не раки. И карциолог, каким ты отныне являешься согласно нашей общей легенде, не может этого не знать. Стань твоя оговорка достоянием осведомленных местных жителей, ты, а значит, и вся наша группа, тут же окажешься под колпаком американской контрразведки.

Под пристальным взглядом Старика мне стало очень неудобно. Я чуть скосил глаза в сторону и встретился с осуждающим взглядом Стаса. Он ничего не говорил, но и без его слов у меня стало совсем погано на душе.

– Виноват. Признаю, – понурился, пролепетал я. – Но больше этого не повторится. Обещаю.

– Надеюсь, – произнес в ответ Старик.

– Данил, это не шутки. Ты можешь так подвести всю группу, – назвав меня настоящим именем, заметил Стас.

– Больше этого не повторится, – как попугай, отчеканил я, так как ничего другого мне в голову не пришло.

– Хорошо. Закончили на этом, – подвел Стас черту под моим «разносом» и, обратившись к Рошину, спросил: – Стивен, как с нашей легализацией в городе?

– Все в порядке, – Старик утвердительно кивнул головой. – Я снял для нас верхний этаж в доме номер семнадцать на Второй приморской улице. Океана из окон, правда, не видно, но до пристани пешком около шести минут.

– Частный сектор? – удивился Стас. – Но ведь мы должны были поселиться в отеле.

– Все отели уже заполнены – курортный сезон, – объяснил ситуацию Старик и демонстративно развел руками. – Чтобы получить номера в отеле, их нужно было заказать еще месяц назад. Я понимаю, что поселившиеся в отеле туристы меньше привлекают к себе внимания, но, с другой стороны, за проживающими в частном доме людьми вести слежку несравнимо сложнее. Без ведома хозяина «жучок» или видеокамеру уже так просто не поставишь.

– А кто у нас хозяин? – живо поинтересовался Стас.

– Хозяйка, – поправил его Старик. – Аккуратная, следящая за собой женщина где-то пятидесяти лет, но, возможно, и старше. В своем доме живет одна. Каждый курортный сезон сдает один этаж приезжающим на отдых туристам. Ее, правда, удивило, что мы собираемся жить у нее вчетвером. Она привыкла принимать у себя по одной паре туристов. Но я объяснил ей, что нам предстоит ежедневно выходить в море, поэтому мы хотим быть ближе к пристани, а все соседние дома уже заняты.

– Поверила? – спросил Стас.

– Поверила, – Старик вновь утвердительно кивнул головой. – Тем более что это так и есть. Мне пришлось обойти несколько домов, прежде чем я нашел подходящее жилье.

– С жильем ясно, – резюмировал Стас. – А что с судном?

Старик вновь замолчал, как я понял, собираясь с мыслями. И молчал довольно долго, затем ответил:

– С судном хуже. Яхта «Конкистадор», которую нам рекомендовал использовать Центр, мне не понравилась. Вернее, не понравился ее хозяин.

---

¹³ Карцинология (греч. karkinos – рак) – раздел зоологии, изучающий ракообразных.

Чего-чего, а такого я от Старика никак не ожидал услышать! Старик – морской волк старой закваски, для которого приказ командира – закон! И вдруг он заявляет, что рекомендация Центра в отношении выбора судна обеспечения ошибочна! Да это и не рекомендация, а по сути – не подлежащий обсуждению приказ. Когда мы все вчетвером на черноморской базе нашего отряда готовились к предстоящей операции на Атлантическом побережье США, то командование, на основании данных, собранных резидентурой ГРУ в Соединенных Штатах, определило нам для использования яхту «Конкистадор», принадлежащую какому-то местному парню. Нам даже показали несколько фотографий этой яхты, судя по ракурсам, снятой нашим разведчиком из окна автомобиля. Не знаю, как Старика, но мне яхта сразу понравилась. Большая, с хорошей мореходностью, при этом – достаточно скоростная и маневренная. Не яхта, а мечта. Я еще на базе представлял, как буду с нее нырять, и вдруг Старик заявляет, что ему, видите ли, не нравится ее владелец. Но после своей недавней ошибки я предпочел не лезть со своими замечаниями, а послушать доводы Старика. И вот что услышал:

– «Конкистадор» принадлежит Рикардо Родригесу по прозвищу Бешеный бык. Родригес по происхождению мексиканец, отсидел шесть лет за драку с применением оружия. Пырнул кого-то ножом в своем родном Атлантик-Сити. После освобождения в 1998 году вернулся обратно в Атлантик-Сити и через год вновь угодил за решетку, на этот раз по обвинению в контрабанде наркотиков. Как я выяснил, отыскав в Интернете электронную версию местной газеты, сообщавшей об этом случае, на яхте Родригеса полицейские обнаружили два килограмма кокаина. Однако собранные полицейскими улики суд счел недостаточно убедительными, и по результатам предварительного слушания Родригес был освобожден. Сразу после этого он перебрался в Дулит, где и проживает в настоящее время.

– После попытки ввоза наркотиков он наверняка находится в плохих отношениях с полицией, – предположил Стас. – Это может быть нам на руку.

Очевидно, рассказ Старика о прошлом хозяина яхты его не убедил, но сам Старик был другого мнения:

– Вряд ли на это стоит рассчитывать. Скорее уж сам Родригес и его яхта находятся под постоянным наблюдением местной полиции. Следовательно, все его новые знакомые, включая и пассажиров, автоматически привлекают внимание полицейских.

– А вы не преувеличиваете, Стивен? – осторожно возразил Стас. – Ведь за сезон на яхте Родригеса выходят в море, наверное, десятки туристов.

Но Старик упорно стоял на своем:

– И все же я бы предпочел не прибегать к услугам бывшего наркокурьера. Родригеса не зря прозвали Бешеным быком. Он крайне раздражителен, вспыльчив и поэтому опасен. Бармен в прибрежном баре мне рассказал один характерный случай. В прошлом году Родригес что-то не поделил с одним заезжим туристом. Оба были достаточно пьяны, и прямо в баре между ними завязалась драка. По словам бармена, Родригес всего несколькими ударами нокаутировал своего противника и при этом сломал ему нос. По американским законам, это – весьма серьезное преступление. Однако, несмотря на то что драка происходила в присутствии множества свидетелей, Родригес так и не понес никакого наказания.

– Не понес наказания, – повторил за Рошиным Стас. – А расследование было?

– Я тоже заинтересовался этим, но выяснить не сумел, – ответил Старик. – Во всяком случае, на открытом сайте городского управления полиции таких сведений нет.

– М-да, весьма странно, – согласился Стас. – Больше никаких сведений о Родригесе у вас нет?

– Нет. Но я считаю, что и этой информации достаточно, чтобы отказаться от его услуг.

– Согласен, – произнес Стас после недолгого раздумья.

Я понимал, что ему тяжело далось это решение. И все же доводы Старика и здравый смысл оказались важнее приказа командования. Я вообще-то не сторонник нарушения приказа

зов, но в данном случае план Центра об использовании «Конкистадора» был принят на основании поверхностных, непроработанных данных предварительной разведки. А то, что сотрудник ГРУ, выбиравший для нашей группы судно обеспечения, схалтурил, у меня не вызвало никаких сомнений. Если он даже не потрудился изучить обстановку в городе, то что уж говорить про сведения о владельце яхты! Наверняка просто заехал на пристань и, не выходя из машины, несколько раз щелкнул своим фотоаппаратом приглянувшееся ему судно. Хотя именно он, а не Старик, должен был собрать сведения и о бывшем наркокурьере Родригесе, и о местном шерифе Грогане.

– Какое же судно вы рекомендуете нам использовать вместо «Конкистадора»? – обратился Стас к Старiku.

– К сожалению, выбор небогат, – ответил Старик. – Самым подходящим, на мой взгляд, судном обеспечения могла бы стать яхта «Морская звезда», но ее уже зафрахтовали британские журналисты, снимающие документальный фильм о белых акулах. По своему тоннажу для наших целей подходит дизельная шхуна «Святая Анна». Правда, она старой постройки и тихходная. Но, как я уже сказал, выбирать не приходится, так как все остальные имеющиеся в Дулите суда – это маломерные яхты, годные лишь для кратковременных морских прогулок или рыбалки, но никак не для проведения водолазных работ.

– Вы уже разговаривали с ее владельцем? – поинтересовался Стас.

– Успел пообщаться на пристани, – Старик кивнул головой. – Но конкретного разговора у нас не было. Владелец шхуны, Гарри Хорнел, которого все на пристани называют старина Гарри, шестидесяти пяти лет, вдовец. Живет на пенсию, изредка занимается каботажными перевозками.

– Я бы тоже хотел взглянуть на него и его шхуну, – высказал пожелание Стас.

– Пожалуйста. Ближе к полудню можем вместе сходить на пристань. Гарри наверняка будет там. Днем его почти всегда можно застать на своей шхуне или в ближайшем к пристани баре.

Стас понимающе кивнул и поинтересовался:

– До утра нам лучше не появляться в городе?

– Да уж, не стоит пугать нашу хозяйку ночным визитом, – усмехнулся в ответ Старик. – Остаток ночи вам лучше переждать на берегу. Я обнаружил достаточно укромное место в здешних катакомбах. Есть здесь поблизости одна заброшенная каменоломня, где вас никто не обнаружит. Кстати, там же можно отлично замаскировать ваше оборудование. Мне жаль, но гидрокombineзоны придется оставить. В Дулите проживает достаточно много отставных военных, способных отличить комбинезон боевого пловца от гидрокостюма гражданского аквалангиста.

Я с нескрываемой обидой посмотрел на Стаса. С потерей дыхательного аппарата я еще как-то смирился (уж слишком это приметная штука, и любой ныряльщик сразу узнает в нем специальное снаряжение боевого пловца, а подготовленный специалист опознает российский кислородно-воздушный дыхательный аппарат замкнутого цикла ИДА-100, обеспечивающий пребывание под водой в течение двенадцати часов). Но свой гидрокombineзон мне было искренне жаль. Аппараты что? В грузовом отсеке «Тритона» хранятся еще четыре таких, по одному на каждого члена группы. А вот запасные гидрокombineзоны для нас не предусмотрены. В отличие от акваланга, гидрокombineзон под водой на себя не натянешь. В него облачаются на берегу или на палубе обеспечивающего судна. Между прочим, у командования насчет выданных нам гидрокombineзонов не было определенного решения. На время операции нас снабдили норвежскими легководолазными скафандрами в расчете на то, что по гидрокombineзону подводного натовского спецназа нельзя будет идентифицировать нашу принадлежность. И я, признаться, рассчитывал понырять именно в этом хорошо знакомом и, главное, удобном гидрокombineзоне, как вдруг оказалось, что против такой экипировки категорически выступает Старик. К моему немалому разочарованию, Стас сразу принял его сторону:

– К тому же нельзя исключать возможность досмотра судна обеспечения береговой охраной или военной контрразведкой. А представители этих спецслужб сразу узнают в наших легководолазных скафандрах экипировку боевых пловцов. Поэтому замена гидрокombинезонов вполне оправдана.

– В Монреале я приобрел четыре канадских утепленных гидрокостюма – лучшее снаряжение, которое мне удалось найти, – сейчас же вставил Старик. – Они легче, чем эти скафандры, но материал, естественно, мягче, чем армированная ткань гидрокombинезона боевого пловца. Зато более эластичный гидрокостюм меньше сковывает движения,¹⁴ – попытался подсластить Старик горькую пилюлю.

Не знаю, может быть, Мамонтенка ему и удалось обмануть, но только не меня. Да, действительно, в мягком и эластичном гидрокостюме работать удобнее. Но если тебе предстоит идти на буксировочном скутере на приличной скорости, то только достаточно жесткий гидрокombинезон со специальным покрытием и армирующими вставками для увеличения жесткости может спасти тебя от гидродинамических ударов встречного потока воды. Мне однажды пришлось плыть под водой со скоростью двенадцать узлов. Ощущение такое, словно с разбега врезаешься в кирпичную стену. У меня потом, наверное, месяц с тела не сходили синяки. А наш военврач, так тот вообще удивлялся, как это я на такой скорости ухитрился не свернуть себе шею. А ведь на мне тогда был стандартный боевой гидрокombинезон с соответствующим значением защиты! Очевидно, заметив мое крайне грустное выражение лица, Стас поспешил напомнить:

– Данил, мы будем работать на пяти-шести узлах, потому что на больших скоростях просто невозможно удержаться на корпусе подводной лодки.

Что ж, это, конечно, верно. Вот только вести поиск скоростного «Атланта» придется куда как с большей скоростью... Возникшие трудности, с которыми нам поневоле придется столкнуться во время выполнения задания, настолько заняли мои мысли, что я не сразу уловил смысл следующего вопроса Стаса:

– Стивен, вы сказали, что приобрели четыре гидрокостюма?

– Разумеется, четыре, – ответил Старик. – Хотя бы для поддержания легенды мне как профессору-океанологу и руководителю экспедиции тоже придется спускаться под воду. Да и при выполнении задания я могу оказаться полезен. – Предвидя возможные возражения Стаса, он поспешил добавить: – Ходовые испытания «Атланта» проводятся на незначительной глубине. К тому же ты сам сказал, что работать придется на минимальной скорости, поэтому опасаться за мое здоровье нет оснований.

Стас не нашел, что ему возразить, и неопределенно ответил:

– Посмотрим.

На этом обсуждение деталей предстоящего нам задания закончилось. Старик вновь запустил двигатель своего джипа и спустя двадцать минут привез нас к какому-то заброшенному карьере, где и начинались упомянутые им катакомбы. Когда мы все вчетвером выбрались из машины, уже достаточно рассвело, чтобы как следует оглядеться вокруг. На востоке, примерно километрах в пяти от нас, виднелась сливающаяся с горизонтом узкая полоска океана. Но океаном мы любовались недолго, так как Старик сразу увел нас в карьер и, указав на темнеющую черным провалом выработанную штольню на его склоне, объявил:

– Вот здесь и пересидите часа четыре, пока я за вами не приеду. Только не углубляйтесь далеко внутрь. Здесь такие лабиринты, что запросто можно заблудиться.

---

¹⁴ Гидрокombинезон и гидрокостюм – два типа специальной одежды легководолаза, предохраняющей его тело от переохлаждения. Гидрокombинезон предназначен для полной изоляции человеческого тела и обеспечивает более длительное пребывание в холодной воде. Штаны и куртка соединены в нем в одно целое и изготавливаются из водогазонепроницаемой ткани на трикотажной основе. Гидрокостюм отличается тем, что не изолирует тело водолаза от воды и служит только средством теплозащиты, то есть является одеждой «мокрого» типа.

Сделав это предупреждение, он направился вверх по склону. Проводив его взглядом, я вопросительно посмотрел на Стаса и после его весьма выразительного кивка шагнул к черному провалу, напоминающему вход в преисподнюю.

В ДУЛИТЕ

10.00

По склону карьера скатилось несколько мелких камешков. Затем послышался шорох осыпающегося песка. Капитан Ворохов подал знак Бизяеву и Мамонтову, а сам осторожно приблизился к выходу из штольни. Вниз свалилась еще пара мелких камней. Несколько секунд тишины. И вот опять по склону запрыгал новый камень. Судя по всему, в карьер спускался какой-то человек. Ворохов взглянул на часы. Начало одиннадцатого. Командир разведгруппы «морских дьяволов» жестом приказал своим офицерам скрыться в глубине штольни, а потом и сам бесшумно отступил от края, прижавшись к прохладной каменной стене.

Снаружи раздалось легкое посвистывание. Ворохов выглянул из-за угла и увидел перед входом коренастую фигуру капитана третьего ранга Рощина. Старик остановился прямо напротив темнеющего на склоне провала, безуспешно пытаясь заглянуть внутрь. Ворохов ответил ему коротким свистом и, оторвавшись от стены, вышел на свет. Следом из штольни показался Бизяев. В левой руке он держал полученную от Рощина дорожную сумку. Сейчас там лежали ласты, водолазные маски и прочее подводное снаряжение «морских дьяволов», за исключением гидрокомбинезонов и дыхательных аппаратов, которые пришлось спрятать.

Оценив обстановку, Бизяев иронично заметил:

– Не свистите, а то денег не будет.

Ворохов и Рощин не успели ему ответить, так как в этот момент за спиной Данила послышались шорох, звук удара камня о камень и приглушенное ругательство. После чего из штольни выбрался Андрей Мамонтов, растирающий ушибленную ногу.

– Ничего же не видно, – смущенно произнес он.

– Да уж, подземелье – это не место для глубоководного ныряльщика, – проявив солидарность с другом, заметил Бизяев.

Рощин отнесся к ушибу Мамонтова куда более серьезно. Он присел возле Андрея и, внимательно осмотрев его ногу, произнес:

– Ничего страшного, обыкновенная царапина. Но впредь будь осторожнее. Любое растяжение или полученный по неосторожности серьезный ушиб могут на глубине стать причиной больших неприятностей. Поэтому боевой пловец должен остерегаться любых травм и беречь свое тело, как никто другой. А уж руки и ноги «морского дьявола» – это его жизнь, его спасение.

Андрей виновато произнес:

– Да-да, я буду очень осторожен и внимателен.

– Как сами, не замерзли в этой пещере? – Рощин решил сменить тему.

– Брр, жуткий холод, – Бизяев демонстративно мотнул головой и потряс руками. – Не мешало бы согреться.

– Приедем в город, согреетесь, – улыбнулся в ответ Рощин и, повернувшись к Ворохову, уже серьезно спросил: – Гидрокостюмы надежно замаскировали?

– Вполне, – командир разведгруппы утвердительно кивнул.

– Тогда можно ехать, – заметил Рощин.

Вслед за ним боевые пловцы выбрались из карьера и подошли к оставленному возле откоса джипу. При свете дня они смогли как следует рассмотреть приобретенную Рощиным машину. Бизяев обошел вокруг серебристо-серого «Доджа Дюранго» и, восторженно присвистнув, произнес:

– Классная тачка! Почем брали?

– Дорого. Хотя и в прокатной фирме, но все равно дорого.

– А где? – поинтересовался Ворохов.

– В Монреале, сразу после прибытия.

– Не слишком приметная машина? – высказал сомнение командир разведгруппы.

– Я думал об этом. Но нам нужен именно джип – вместительная, скоростная модель с хорошей проходимостью. Да и профессору океанографического института как раз по средствам такой автомобиль. А среди туристических машин наш «Додж» вряд ли будет сильно бросаться в глаза.

– Действительно, Стас. В отличие от наших, штатовские ученые – люди обеспеченные, – обращаясь к Ворохову, заметил Бизяев. – Так что мы можем смело разъезжать на клеовой тачке. Я, может, о таком джипе всю жизнь мечтал.

Не ответив на реплику друга, Ворохов открыл правую переднюю дверь и произнес:

– Ладно, едем.

Остальные офицеры сейчас же забрались в машину. Бизяев хотел забросить в багажное отделение вынесенную из штольни сумку и с удивлением обнаружил, что все пространство за спинкой заднего сиденья уже заполнено уложенными туда баулами.

– Это еще что за скarb? – обернулся он к усевшемуся за руль Рошину.

– Снаряжение нашей экспедиции, – вполне серьезно ответил тот. – Вы же должны приехать в город со всем снаряжением. Там акваланги и наши новые гидрокостюмы, – пояснил он. – Причем это лишь малая часть снаряжения. А «Зодиак»,¹⁵ подвесной мотор к нему, канистры с горючим и запасные баллоны к аквалангам я сложил в арендованном на пристани эллинге.

– Понятно, – со вздохом произнес Бизяев, пристраивая сумку у себя под ногами.

Тем временем Рошин запустил двигатель джипа. Машина неспешно тронулась с места и покатила в сторону города. Проехав пару миль по каменистому пустынному берегу, Рошин вывел «Додж» на шоссе. Еще через шесть миль на дороге им встретился рекламный плакат с двумя улыбающимися девушками в откровенных купальниках, извещающий водителей, что они въезжают в город Дулит – лучшее место для морского отдыха в штате Северная Каролина.

* * *

В отличие от большинства курортных городов Дулит не тянулся вдоль береговой линии, а компактно располагался в низине, огражденный со стороны суши невысокими холмами.

– Чем ближе к побережью, тем дороже земля и, соответственно, жилье, – пояснил Рошин, проезжая по улицам Дулита.

Ему никто не ответил, так как находящиеся в машине офицеры с интересом разглядывали городские пейзажи, быстро сменяющие друг друга за окнами джипа.

– Смотри, какие девчонки! – Бизяев подтолкнул локтем в бок сидящего рядом с ним на заднем сиденье Андрея Мамонтова и указал на двух идущих по тротуару загорелых девушек в коротких шортах, высоко открывающих их стройные ноги.

Андрей тоже повернул голову к девушкам, но в этот момент джип поравнялся с ними. Взглянув на лица американок, Бизяев и Мамонтов разочарованно вздохнули. При этом Данил не удержался от комментария:

– Сразу видно, что не наши. Сзади еще ничего, а взглянешь на рожу – вобла сушеная.

Услышав его слова, Станислав Ворохов недовольно покачал головой, а Рошин усмехнулся в свою бородку и заметил:

---

¹⁵ «Зодиак» – популярные во всем мире надувные лодки с жестким каркасом одноименной французской фирмы.

– Между прочим, русские девушки здесь тоже попадают. Я как раз вчера встретил в местном магазине мужчину с молодой особой, как раз в твоём вкусе, которая со своим спутником изъяснялась по-русски. Но во избежание осложнений знакомства заводить не советую.

– Что вы, Стивен, какие осложнения? – Бизяев наигранно улыбнулся. – Я же исключительно за безопасный секс.

– Помолчи, – не выдержал Ворохов и, обернувшись, осуждающе посмотрел на Данила. – Долго нам ещё ехать? – обратился он к Рошину, чтобы сменить тему.

– Уже практически приехали, – ответил тот. – Вот за этим поворотом.

На ближайшем перекрестке Рошин свернул налево и направил джип к окружённому палисадником двухэтажному дому. Вплотную к нему был пристроен автомобильный гараж с автоматически поднимающимися воротами. Но Рошин не стал туда подъезжать, а остановил машину возле тротуара.

– В гараже хозяйка держит свой «Плимут», – пояснил он свои действия.

– Ух ты, боевая старушка, – заметил с заднего сиденья Бизяев.

Не ответив ему, Рошин выбрался из джипа и направился к дому. Когда он скрылся за входной дверью, Ворохов тоже вышел на тротуар.

– Последуем и мы за начальством, – обращаясь к Мамонтову, произнес Бизяев и первым полез из машины.

Не получив конкретных указаний от своего командира, Бизяев и Мамонтов принялись глазеть по сторонам. Прохожих поблизости не было, лишь на противоположной стороне улицы, чуть в отдалении, каталась на роликовых коньках группа подростков. По улице мимо неторопливо проехал пикап с граблями и прочим садовым инструментом в кузове. Через минуту вслед за пикапом лихо промчались три мотоциклиста на спортивных мотоциклах. За спиной у одного из них сидела девушка. Все мотоциклисты и их спутница были в джинсовых костюмах и колоколообразных шлемах со светонепроницаемыми стеклами.

Вместе с Бизяевым и Мамонтовым за окружающей обстановкой наблюдал и Stanisław Ворохов. В отличие от своих друзей, он старался отыскать возможных наблюдателей. Подростков Ворохов отмел сразу. Они были слишком молоды для сотрудников службы наружного наблюдения. Водитель пикапа с садовым инвентарем, которому Stanisław на глаз дал около сорока лет, заинтересовал его куда больше. Поэтому он следил за машиной, пока та не скрылась из виду, свернув за угол. Теоретически работать в «наружке» могли и мотоциклисты. Но они слишком быстро промчались по улице, в то время как для качественного наблюдения (или фотографирования) следовало ехать куда медленнее. Помимо джипа «морских дьяволов», других припаркованных у тротуаров машин поблизости не оказалось, поэтому стационарная слежка могла вестись лишь из окон или с чердаков соседних домов. Все дома вокруг были жилыми, ни один не выглядел заброшенным, что, по мнению Ворохова, практически исключало наличие в них наблюдательного поста американских спецслужб. Однако он все же решил поинтересоваться у Рошина, кто обитает по соседству, а при необходимости навести о жильцах более подробные справки.

Когда Ворохов разглядывал фасады ближайших домов на противоположной стороне улицы, открылась входная дверь дома номер семнадцать, и оттуда в сопровождении Рошина вышла невысокая седоволосая миниатюрная женщина. На ней была надета свободная блузка, заправленная в темные брюки. На ногах – открытые босоножки на достаточно высоких для её возраста каблуках. Из открытых носков босоножек выглядывали кончики пальцев с ногтями, покрытыми ядовито-красным лаком. Ворохов бы счёл хозяйку дома приятной дамой, но из-за своего вызывающего педикюра она произвела на Stanisława отталкивающее впечатление.

На ведущей от дома бетонированной дорожке Рошин обогнал женщину и, первым подойдя к джипу, представил ей своих спутников:

– Знакомьтесь, миссис Роджерс, мои коллеги: Роберт Доуз, – Рошин положил руку на плечо капитан-лейтенанта Ворохова. – Фредерик Стоун, – рука переместилась на плечо старшего лейтенанта Бизяева.

– Просто Фрэд, – тут же поправил его Данил, специально для хозяйки дома изобразив на лице самую обаятельную улыбку.

– Дебора, – сухо улыбнувшись, произнесла в ответ женщина.

– И, наконец, Кевин Смит, – закончил представление Рошин, указав рукой на стоящего чуть в стороне лейтенанта Мамонтова.

– Дебора, – повторила женщина, при этом улыбка на ее лице стала куда шире.

Она даже шагнула по направлению к Андрею и ему единственному из своих новых постояльцев подала руку. Андрей тоже улыбнулся в ответ и осторожно пожал сухие, уже покрытые морщинами женские пальцы. Отчего-то прикосновение показалось ему неприятным, и он поспешно разжал ладонь. Женщина еще секунду смотрела на него с загадочной улыбкой, потом повернулась к Рошину и произнесла:

– Надеюсь, вы помните мои условия, Стивен? Никаких гостей, особенно женщин, и полный покой после десяти часов. Встречайтесь со своими знакомыми где-нибудь в другом месте. Я рано ложусь спать и не потерплю, чтобы меня беспокоили.

– Не волнуйтесь, миссис Роджерс. Все мы исключительно спокойные постояльцы и не будем вас попусту беспокоить, – заверил ее Рошин.

– Да-да, – задумчиво произнесла хозяйка дома, вновь бросив на Андрея Мамонтова мимолетный взгляд. – В таком случае можете располагаться. Стивен, проводите сами своих друзей.

Хозяйка повернулась, намереваясь вернуться в дом, но Рошин остановил ее:

– Миссис Роджерс, только один вопрос. Мои коллеги привезли с собой разнообразное оборудование для научных исследований. Вы не позволите сложить его в вашем гараже?

Хозяйка дома с достоинством повернулась и, взглянув в глаза Рошину, хорошо поставленным голосом произнесла:

– Мистер Ларсен, разве в агентстве по сдаче недвижимости вам сообщили, что я сдаю гараж или другие хозяйственные помещения? Я, например, прекрасно помню, что сдаю только жилье. Или вас заверили в обратном?

– Нет, миссис Роджерс, мне именно так и сообщили, но я подумал...

– В таком случае, мистер Ларсен, вопрос закрыт, – не дослушав ответ, заявила Дебора Роджерс и гордо прошествовала к дому.

– Ну и язва, – шепотом заметил Данил Бизяев, когда она скрылась за дверью.

Рошин лишь усмехнулся в свою бороду и, обращаясь к товарищам, произнес:

– Давайте выгрузим багаж и поднимем его наверх.

Разгрузка машины заняла двадцать минут. Когда все снаряжение было перенесено в дом, Рошин запер джип и вместе с остальными «морскими дьяволами» поднялся в мансарду.

Большую ее часть занимал просторный холл, к которому примыкали спальня, туалет и ванная комната. Интерьер выглядел довольно живописным. Вся обстановка явно свидетельствовала о намерении хозяйки привлечь к себе в дом как можно большее число туристов. Потолок был завешан рыбацкой сетью, в углу находился растрескавшийся деревянный штурвал. У стены стоял диван, рядом – книжный шкаф, письменный стол и полукруглое деревянное кресло, закругленная спинка которого переходила в высокие подлокотники, и пара стульев. Полки книжного шкафа вместо книг заполняли морские раковины, ветвистый коралл на подставке из оргстекла и высушенный панцирь краба. Зато на письменном столе лежал переносной портативный компьютер (типа «ноутбук»), привезенный Рошиным из России в Соединенные Штаты в качестве рабочего инструмента американского профессора Стивена Ларсена.

Заглянув в спальню, Данил Бизяев обнаружил висящую над изголовьем двуспальной кровати корабельную рынду. Подивившись столь оригинальному вкусу хозяйки дома, он вышел обратно и занялся обследованием обнаруженного в гостиной мини-бара-холодильника. Все пространство холодильника занимали уложенные туда напитки. Данил вытащил запечатанную пластиковую бутылку со светло-коричневой жидкостью, которая, судя по надписи на этикетке, оказалась обыкновенным чаем. Разочарованно ухмыльнувшись, Данил вернул бутылку на место и взял вместо нее банку пива, но, перехватив неодобрительный взгляд Ворохова, заменил пиво колой. Напиток показался ему сейчас невкусным, и он поставил недопитую банку на холодильник.

В это время Stanisław Ворохов остановился среди разложенных по полу тюков с водолазным снаряжением, обвел вокруг себя указательным пальцем, затем указал себе на ухо и вопросительно посмотрел на Рощина.

– «Жучков» нет, я проверял, – ответил Рощин на немой вопрос командира разведгруппы. – И хозяйка нас не услышит. Здесь хорошая звукоизоляция. Я специально оставлял включенным приемник, когда спускался на первый этаж, так не то что слов или музыки, даже шума не услышал. Но специальные разговоры, конечно, лучше вести вне дома. Или, в крайнем случае, в ванной комнате, включив воду.

– Тогда, может быть, смоемся куда-нибудь перекусить? – тут же вставил Бизяев. – А то, честное слово, уже желудок свело.

– Перекусим, – опередив Рощина, ответил Ворохов. – Но сначала осмотрим гидрокостюмы.

– Верно, сперва нужно разобраться со снаряжением, – одобрительно заметил Рощин.

Он встал со стоящего у стены низкого дивана и, подойдя к разложенным на полу сумкам, расстегнул на одной из них застежку-«молнию». Обступившие его «морские дьяволы» увидели внутри плотно уложенные неопреновые¹⁶ гидрокостюмы темно-синего цвета. Рощин извлек из сумки одну из водолазных курток и передал ее Бизяеву. Данил помял куртку в руках, проверяя эластичность материала, дважды вжикнул застежкой-«молнией» и тяжело вздохнул, выразив тем самым свое разочарование новым снаряжением.

– Не слишком яркий цвет? – спросил Ворохов, тоже весьма неодобрительно разглядывая извлеченную из сумки водолазную куртку.

– Увы, черные гидрокостюмы – это уже специальное снаряжение. В свободную продажу они не поступают, – ответил ему Рощин. – Я объехал пять специализированных магазинов, но из всех подходящих гидрокостюмов нашел только зеленые и синие. Синие показались мне более темными, и я выбрал их. Да и под цвет воды они лучше подходят.

– Значит, будем работать в синих, – подвел итог Ворохов и, забрав из рук Бизяева водолазную куртку, уложил ее обратно в сумку. – Вот теперь действительно можно перекусить, – добавил он, чтобы поднять разведчикам настроение.

Все трое офицеров, включая Рощина, одобрительно улыбнулись, а Данил Бизяев еще и провел рукой по животу.

– Здесь на пристани есть уютный рыбный ресторанчик, – заметил Рощин. – Предлагаю наведаться туда. Заодно посмотрим прогулочные яхты, а если повезет, можем встретить и владельца шхуны.

Ворохов в ответ одобрительно кивнул, и вся четверка «морских дьяволов» направилась к двери.

---

¹⁶ Неопрен или губчатая резина – специальный ячеистый материал, использующийся для изготовления гидрокостюмов. Он обладает необходимой прочностью и эластичностью, плотно облекая тело. Губчатая резина не мешает проникновению воды, но препятствует ее дальнейшей циркуляции и, следовательно, теплообмену с внешней средой. Неопреновый гидрокостюм позволяет без переохлаждения находиться в воде, температура которой +17 °С, в течение 4–6 часов.

– Как, наша хозяйка не любопытна? В наше отсутствие она не полезет копаться в вещах? – шепнул на ухо Рошину Данил Бизяев, когда они оказались на лестнице.

– Думаю, нет, – тоже шепотом ответил Старик, запирая входную дверь. – Во всяком случае, за то время, что я здесь живу, она поднималась на второй этаж только вместе со мной. Контрольные метки, которые я оставлял, уходя в город, ни разу не были нарушены, – пояснил Рошин. – Да и среди наших вещей нет ничего запрещенного или подозрительного, разве что водолазные ножи. Но вряд ли пожилая домохозяйка знает, что такое нож MRK.¹⁷

– Кстати, Стивен, неужели вы действительно собирались использовать ее гараж для хранения снаряжения? – вступил в разговор Ворохов.

– За эти дни я достаточно изучил ее характер, поэтому не сомневался в отрицательном ответе, – с ироничной усмешкой ответил Рошин. – Зато мой вопрос, надеюсь, убедил миссис Роджерс, что нам нечего от нее скрывать.

Пройдя через участок и выйдя на улицу, он остановился возле джипа и спросил:

– Отсюда до пристани чуть более пятисот метров – может быть, пройдемся пешком?

– Отличная мысль! – тут же подхватил Бизяев. – Когда еще выпадет возможность прогуляться?!

Он сразу же пожалел о сказанной фразе, так как она получилась слишком странной и могла удивить случайных прохожих. Но по той же причине Рошин и Ворохов оставили реплику Бизяева без замечаний. Лишь Станислав неодобрительно взглянул на друга. Данил кивком головы показал, что принял его упрек, и, чтобы исправить ошибку, добавил:

– От этой езды уже ноги затекли, пора наконец размяться.

Не вступая больше друг с другом в дискуссию, четверка «морских дьяволов» двинулась в сторону морской пристани.

---

¹⁷ Нож MRK – боевой нож производства американской фирмы «Mission Knife Inc.». С 1996 года состоит на вооружении боевых пловцов ВМС США. Нож MRK одинаково пригоден для разминирования, других водолажных работ и ближнего боя. Безбликовый клинок длиной 190 мм изготавливается из титанового сплава. Лезвие V-образной заточки имеет зубчатую пилу длиной 50 мм для перепиливания. Рукоятка ножа, выполненная из негорючего синтетического материала хитрел, усиленного кевларовым волокном, имеет отверстие для крепежного тросика, исключающего потерю ножа при выскальзывании из руки. Навершие рукоятки позволяет производить ею удары в качестве кастета или молотка.

КОМАНДИР РАЗВЕДГРУППЫ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТ ВОРОХОВ

11.30

По мере приближения к городскому пляжу мы встречали на улицах все больше прохожих. Уже на ближайшем перекрестке наткнулись на группу оживленно разговаривающих молодых девушек. Заметив местных мисс, Данил озорно подмигнул Андрею и что-то шепнул ему на ухо. Не знаю, как бы он стал реагировать, если бы девушки, почувствовав его интерес, попытались завязать с ним знакомство. По счастью, этого не произошло. На подходе к пляжу нам попало навстречу двое молодых людей с досками для серфинга. На загорелых лицах блестели крупные капли пота, и вообще они выглядели очень уставшими. Очевидно, гонки на гребне волны отняли у них все силы. На самой набережной людей оказалось еще больше. В сторону пляжа двигались группы туристов, преимущественно молодых людей и их спутниц, стремясь получить шезлонги и занять свободные места под солнцезащитными зонтиками. Навстречу направлялись уже пресытившиеся жарой и получившие дозу утреннего загара пожилые пары. С разных сторон слышались типичные для курортного города разговоры, сопровождаемые восторженными возгласами или взрывами громкого смеха.

– Нам туда, – обратился ко мне Илья Константинович и, вытянув руку, показал направление.

Но я и сам увидел за дальней оконечностью пляжа вытянувшийся вдоль берега дощатый причал и пришвартованные к нему прогулочные яхты. Не знаю почему, но при виде этой мирной приморской картины мне вдруг тоже захотелось расслабиться, спуститься к воде и залечь на первый попавшийся свободный шезлонг, подставив лицо ослепительным лучам солнца. Забавно, я ведь побывал в самых экзотических и, безусловно, красивейших местах Земли: у скалистых скандинавских фьордов, среди песчаных отмелей Карибского моря и западного побережья Африки, на древних, овеянных легендами берегах Средиземного моря и в мангровых зарослях Юго-Восточной Азии, но при этом нигде не обращал внимания на красоты природы. Такова уж специфика работы боевого пловца. Ты всецело нацелен на решение поставленной боевой задачи и видишь лишь то, что способствует или, наоборот, препятствует ее выполнению. А цвет воды, форма подводных скал и причудливый внешний вид их обитателей – это, увы, всего лишь элементы окружающей обстановки. А теперь нам предстояло действовать не только в качестве подводных разведчиков-диверсантов, но и в роли исследователей-карцинологов для поддержания разработанной легенды прикрытия. Таким образом проявление интереса к природе, особенно к фауне морского дна, на сей раз было санкционировано командованием.

Как только мы ступили на причал, Илья Константинович указал взглядом на девятиметровую морскую яхту, пришвартованную в самом центре причала, и произнес:

– Обратите внимание. Вот она.

Судно действительно сложно было не заметить. Среди прочих стоящих у причала яхт, моторных лодок и прогулочных катеров она выделялась прежде всего своими размерами и контрастной черно-белой раскраской. На выкрашенной в черный цвет корме золотыми буквами было выведено название: «Конкистадор». Глядя на яхту, я еще раз убедился, что между снимком и внешним видом реального объекта существует большая разница. Изучая на базе фотографии «Конкистадора», сделанные в Дулите посольским резидентом ГРУ, я представлял себе яхту куда более скромных размеров и не такой броской раскраски. Илья Константинович

был абсолютно прав, когда утверждал, что сотрудник ГРУ поработал, мягко сказать, плохо. Даже сделанные им фотоснимки совершенно не отражали масштаб запечатленного «Конкистадора».

– Гм, только «веселого Роджера» на флагштоке не хватает, – услышал я у себя за спиной голос Данила.

– Вот только хозяина что-то не видно, – заметил Илья Константинович, посмотрев по сторонам. – А теперь давайте я покажу вам «Святую Анну», – предложил он и энергично зашагал по дощатому настилу.

Мы дружно двинулись за ним. По другую сторону причала, напротив пришвартованных судов, располагались металлические эллинги.

– Который из них наш? – поинтересовался Бизяев.

– Наш остался там, – ответил ему Рошин, указав рукой за спину.

– Так, может, сначала посмотрим нашу моторку и прочее снаряжение? – предложил Данил.

– В другой раз, – возразил я.

Надувная моторная лодка, акваланги, спецснаряжение и даже лежащий на дне транспортировщик – все это было бесполезным без судна обеспечения. Поэтому определиться с ним требовалось в первую очередь.

Большинство плавсредств, мимо которых мы проходили, пустовали. Лишь на некоторых можно было увидеть на палубе занятого чем-то хозяина или матроса. Небольшой ресторанчик с чучелом меч-рыбы над входом, расположенный на противоположной стороне причала, который, очевидно, и имел в виду Илья Константинович, выглядел куда оживленней. Там играла музыка, из-за двери, завешенной тростниковой шторой, доносились оживленные голоса. Когда мы проходили мимо ресторанчика, я взглянул на примыкающую к нему открытую террасу. Большинство столиков было занято посетителями. Выглядели они довольно демократично: джинсы, пляжные шорты, яркие и однотонные майки, открытые сарафаны и короткие топы девушек (несколько представительниц прекрасного пола уселись за столики в одних купальниках), на ногах кроссовки, босоножки или сандалии. С ресторанной кухни доносился аппетитный запах готовящихся блюд. Я почувствовал сильный приступ голода. А Данил у меня над ухом, по-моему, даже дважды сглотнул скопившуюся во рту слюну, но тем не менее без возражений следом за мной прошел мимо.

Шхуна «Святая Анна» стояла на приколе в самом конце причала. Когда я взглянул на нее, то сразу понял, почему хозяин «Святой Анны» предпочитает держать ее подальше от людских глаз. Шхуна выглядела просто ветхой, особенно по соседству со скоростными современными прогулочными яхтами. Трудно было представить, что на ней кто-то еще выходит в море. Она выглядела заброшенной и всеми покинутой.

– Ну и корыто, – не удержался от комментария Данил.

Проигнорировав его реплику, я постарался оценить мореходные качества «Святой Анны», не обращая внимания на ее внешний вид. Если судить по осадке и высоким бортам, шхуна должна выдерживать и шестибалльный шторм. Правда, это обстоятельство нас не особенно интересовало. Если «морские дьяволы» готовы выполнить задание при любых погодных условиях, то мирного ученого-карцинолога никто не заставит спускаться под воду при волнении моря свыше трех баллов. Слишком велик риск несчастного случая. Поэтому, опять же чтобы не ломать легенду, мы будем выходить в море только в тихую погоду. Дальше я постарался оценить возможности ходовой установки. Шхуна не имела парусного вооружения и могла двигаться лишь при включенном дизеле. Мотор у нее был только один, а это означало, что судно не отличается быстроходностью. Но установленные на корме объемные баки с горючим указывали, что «Святая Анна» может долго находиться в открытом море. Судя по тону, шхуна могла взять на борт все снаряжение нашей группы вместе с лежащим на дне под-

водным транспортировщиком. Таким образом, она удовлетворяла всем нашим требованиям. Но окончательно решить этот вопрос следовало только после беседы с ее владельцем, Гарри Хорнелом, который пока отсутствовал. Илья Константинович предложил справиться о хозяине «Святой Анны» в ресторанчике, мимо которого мы только что проходили. И мы, подгоняемые голодом, охотно приняли его предложение.

Свернув с причала к ресторану и, очевидно, убедившись, что на открытой террасе Хорнела нет, Илья Константинович направился к завешенному тростниковой шторой входу в обеденный зал. Но я, перехватив умоляющий взгляд Данила, остановил его:

– Стивен, давайте для начала перекусим, а уж потом продолжим поиски.

– О'кей, Роберт, – живо отреагировал Рошин на мое предложение. – Где присядем? Здесь или ближе к кухне? – Он кивнул в сторону обеденного зала.

Я уже собирался ответить, что предпочел бы перекусить на открытом воздухе, но тем временем Андрей с Данилом свернули к свободному столику, и вопрос отпал сам собой. Столики, видимо, не были рассчитаны на определенное число посетителей. За большинством из них сидело по два человека, но встречались и такие, за которыми расположились компании из шести человек. Как только мы уселись за столиком, к нам тут же подошла молодая женщина в униформе официантки. На ней была полосатая, судя по покрою – настоящая тельняшка и зеленовато-синяя, цвета морской волны, юбка, прикрытая спереди небольшим передником. Шею украшала алая косынка, вызвавшая у меня ассоциации с детством и пионерским галстуком. Официантка протянула нам меню и, молниеносно выхватив из кармана своего передника миниатюрный блокнот с карандашом, приготовилась записать заказ.

– Спасибо, – улыбнулся официантке Илья Константинович, приняв у нее меню. – А что вы нам сами порекомендуете?

– Смотря что вы предпочитаете, – ответила она. – В качестве легкой закуски подойдет закопченный угорь с пивом. У нас замечательное пиво. Если же господа желают более сытно пообедать, я бы могла порекомендовать салат из морского гребешка, копченых мидий или рыбное ассорти, суп из акульего плавника, отварных или запеченных в гриле лобстеров, филе тунца и тушеный с луком и шпинатом морской гребешок...

От перечисления всех этих блюд у меня началось такое слюноотделение, что я едва не захлебнулся слюной. Но меня выручил Рошин, остановив официантку:

– Вижу, что у вас отличная кухня. Непременно постараемся все это попробовать. А на первый раз, пожалуйста, принесите нам две порции копченого угря, если он действительно хорош, два рыбных ассорти и всем креветок гриль с рисом и оливками. Еще апельсиновый... Нет, грейпфрутовый сок и фруктовое ассорти.

Судя по всему, Илья Константинович успел изучить местное меню, так как, делая заказ, ни разу не заглянул в текст. Официантка со скоростью стенографистки записала названия выбранных блюд и, как только Рошин замолчал, осведомилась:

– Что желаете пить?

Рошин ответил так быстро, что я не сумел разобрать название напитка. Однако официантка понимающе кивнула и удалилась. Как только она отошла от нашего столика, Данил развалился на стуле и заметил:

– Надо было заказать еще и пива, раз уж она его так нахваливала.

– Боюсь, после сытного обеда, да еще с пивом, тебя сморит сон, – с ироничной усмешкой ответил ему Рошин.

– А что? Придавить пару часиков и в самом деле не помешает. Перед всякой серьезной работой положено отдыхать! – вызывающе ответил Данил и, зевнув, уставился на морскую гавань.

Там качалось на волнах несколько двухместных яхт, резали волны носящиеся встречными галсами гидроциклы и старающиеся не отстать от них неутомимые серфингисты. Впро-

чем, Данил недолго любовался видом океана, так как очень скоро к нашему столику вернулась официантка и принялась расставлять заказанные блюда. Накрыв на стол, официантка, весьма ловко для женщины, распечатала заказанную Рошиным бутылку вина и для пробы слегка плеснула в его бокал. Судя по цвету, вино оказалось розовым. Получив от Ильи Константиновича одобрителный кивок, она поставила бутылку на столик и удалилась. Рошин на правах старшего и руководителя нашей экспедиции разлил вино по бокалам и, подняв свой фужер, произнес:

– Легкой воды.

Тост, взятый у спортсменов-гребцов, на мой взгляд, очень подходит и для «морского дьявола», только с несколько иным смыслом.

Мы дружно выпили, после чего также дружно приступили к еде... Копченый угорь и рыбное ассорти оказались просто замечательными. Хотя после тяжелой и утомительной ночи даже обыкновенная консервированная килька показалась бы нам настоящим деликатесом. Мы так проголодались, что все закуски съели практически в полном молчании. Лишь когда она подала горячее – приготовленный специальным образом рис на огромном блюде, по краям которого были разложены оливки и какая-то зелень, а в центре возвышалась целая гора крупных креветок, запеченных в гриле и от этого покрытых хрустящей корочкой, мы наконец перешли к более спокойной трапезе. Вино закончилось, и Данил заказал у официантки вторую бутылку и бокал пива, специально для себя. Прихлебывая пиво и заедая его креветками, которых он отправлял в рот целиком, Данил заметил:

– Давайте закажем еще и лобстеров. Чтобы знать, как хотя бы выглядит предмет наших исследований.

Сказать такое в людном месте! Хмель или что другое ударило ему в голову?! Хорошо еще наклонился к столу и, произнося последнюю фразу, понизил голос до шепота, так что его слова не могли слышать другие посетители ресторана. Тем не менее я не сомневался, что Илья Константинович сейчас же выскажет Данилу совершенно справедливое замечание. И он уже действительно открыл рот, но в этот момент вдруг замер, глядя на вход с ресторанной веранды в обеденный зал. Это продолжалось всего мгновение, затем Рошин отвел глаза в сторону и, обращаясь ко мне, прошептал:

– Обрати внимание на мужчину, только что вышедшего из обеденного зала в обнимку с женщиной.

Изобразив, что разыскиваю взглядом обслуживающую нас официантку, я медленно повернулся. К лестнице, ведущей с террасы, неторопливо продвигался мужчина лет тридцати пяти, слегка придерживая за талию молодую даму. Несмотря на то что Рошин советовал мне в первую очередь обратить внимание на мужчину, я невольно задержал взгляд на его спутнице. Женщина была бесспорно хороша собой. Стройная, если не сказать точеная фигура. Ухоженная кожа с абсолютно равномерным загаром. Платинового цвета волосы, ниспадающие на плечи. Лицо без единой морщины. Искусно подобранный макияж. И дорогой, даже очень дорогой пляжный костюм. Я отлично видел ее лицо, но не смог определить возраст. С равной вероятностью красавице можно было дать и двадцать пять и тридцать пять лет. Очевидно почувствовав на себе пристальный взгляд, женщина обернулась в мою сторону, и я сразу понял – передо мной профессионалка. Не могу сказать, по каким признакам я это определил. Возможно, просто сработала интуиция. Чтобы не встречаться взглядом с проституткой, я перевел взор на сопровождаемого ею мужчину. У него была внешность положительного героя какого-нибудь голливудского вестерна: волевой подбородок, слегка прищуренные пронизательные глаза, прямые развернутые плечи, узкие бедра и легкая, но в то же время очень уверенная походка. Довершали образ джинсы с широкой металлической пряжкой на ремне и остроносые ковбойские ботинки. И еще! На мужчине была точно такая же, как у Данила, только отличающаяся по цвету, рубашка с кожаными вставками. Хорошо, что Данил надел на себя футболку!

Пока я разглядывал мужчину, он, вместе со своей спутницей, подошел к лестнице. Там он остановился, чтобы пропустить женщину вперед, и вдруг, совершенно неожиданно для меня, обвел ресторанный веранду и расположившихся на ней посетителей мимолетным взглядом. Его взгляд мне понравился – внимательный, цепкий, наверняка подмечающий все до мельчайшей подробности. Противник с таким взглядом обычно бывает очень опасен, поэтому в бою его следует уничтожить в первую очередь. Не знаю, заметил ли мужчина мой интерес к нему, потому что, когда он начал оглядывать террасу, я отвел глаза в сторону. А через секунду он уже спускался по ступенькам, и я почти сразу потерял его из виду. После этого я повернулся к Рошину, ожидая его объяснений, но он лишь молча жевал положенную в рот маслину, старательно обсасывая косточку.

Спустя несколько секунд совсем рядом от нас взревел двигатель спортивной машины. Я и еще многие посетители невольно повернулись на звук. Кое-кто успел заметить, как с автостоянки возле ресторана выехал ярко-красный спортивный автомобиль с откинутым верхом и, промчавшись по набережной, исчез из виду. За рулем машины сидел все тот же герой голливудских вестернов, а рядом с ним – его спутница.

– Ну как тебе местный шериф? – выплюнув изо рта косточку маслины, обратился ко мне Илья Константинович.

– Шериф? – Я изумленно вскинул брови. Вот уж не думал, что шериф может уподобляться герою из ковбойского боевика.

– Пирс Гроган собственной персоной, – подтвердил Рошин свои слова. – Местный красавец, плебей и любимец женщин.

– Что ж он тогда общается со шлюхами? – с оттенком недоверия заметил Данил Бизяев.

– Не думаю, что эта путана возьмет с него деньги, – ответил ему Рошин. – Для нее возможность обслужить Грогана – это знак его расположения. А расположение шерифа дорого стоит.

– Занятные у них здесь отношения, – усмехнулся Данил и как ни в чем не бывало продолжил трапезу.

Я же еще долго смотрел вслед умчавшемуся спортивному автомобилю. То, что местный шериф разъезжает на дорогой машине и спокойно встречается с проститутками, наводило на определенные мысли. Содержать такую машину, а судя по рассказу Рошина, и не одну, мог только весьма обеспеченный человек. Вряд ли жалование шерифа позволяет Грогану поддерживать такой уровень жизни. А если он ведет себя так совершенно открыто, то получается, что Гроган чувствует себя очень уверенно. Словно ощущает за спиной мощную поддержку.

– Интересно, Гроган зашел сюда случайно или искал кого-нибудь? – Рошин повернул ко мне голову и, встретившись со мной глазами, добавил: – Что-то наша милая официантка куда-то запропастилась, а так хочется пивка. Может быть, сами возьмем в здешнем баре?

Я кивнул в ответ. Мы поднялись из-за столика и направились ко входу в обеденный зал.

– На нас с Кевином тоже возьмите! – крикнул нам вслед Данил.

Рошин раздвинул зашнуровывающую вход тростниковую штору, и мы оказались в крытом обеденном зале ресторана. По сравнению с залитой солнцем верандой здесь, можно сказать, царил полумрак. Свет проникал в зал лишь через узкие маленькие окна под самой крышей. По вечерам тут зажигались установленные на деревянных столбах светильники, в данный момент погашенные. Зато огромные четырехлопастные вентиляторы, свисающие с потолка, непрерывно гнали вниз потоки воздуха да надрывался установленный возле стены музыкальный автомат. Лавируя между столиками и бросая короткие взгляды на посетителей обеденного зала, Рошин направился к барной стойке. Я следовал за ним. Посетителей в зале было куда меньше, чем на террасе. Очевидно, большинство из них, как и мы, предпочли свежий морской ветерок и открывающийся с веранды живописный вид на лагуну этому закрытому помещению.

Рощин остановился возле стойки и принялся делать заказ бармену. Когда бармен отвернулся, чтобы достать стоящие за его спиной пивные бутылки, Старик слегка наклонился и, направив рукой звук в мою сторону, шепнул:

– Справа от тебя, у барной стойки.

Я скосил глаза в указанном направлении. В пяти метрах от меня, взгромоздившись на высокий табурет, сидел широкоплечий черноволосый гигант с серьгой в левом ухе. На нем были черные кожаные брюки. Кожаные – это в такую-то жару! Такая же черная кожаная жилетка, под ней темно-вишневая футболка с изображением пронзенной гарпуном акулы на груди. Своей огромной ладонью гигант сжимал высокий граненый стакан с ромом, в котором плавали кубики льда. То, что он пьет именно ром, а не джин, можно было догадаться по стоящей перед ним на четверть опустошенной бутылке с соответствующей этикеткой. Осушив залпом добрую половину стакана, он подцепил двумя пальцами правой руки сочный кусок нарезанного кольцами грейпфрута из маленькой вазочки и, отправив его в рот, принялся смачно жевать. Тем временем Илья Константинович получил от бармена четыре бутылки выбранного пива, расплатился с ним и, передав пару бутылок мне, направился к выходу. Мне пришлось отвести взгляд от весьма колоритного великана и двинуться следом.

– У нас сегодня прямо день встреч, – заметил Рощин, усаживаясь за наш столик. – В баре глушит стаканами ром не кто иной, как хозяин «Конкистадора», Бешеный бык, Рикардо Родригес. Хотя вообще-то его излюбленное место – бар «Дикий койот», где чуть ли не ежедневно случаются драки между посетителями.

– Да, ну и как он вам? – поинтересовался Данил, запихивая себе в рот очередную креветку, и, так как Илья Константинович не отвечал, перевел взгляд на меня.

– Колоритный тип. Носит пиратскую серьгу в ухе и черные кожаные штаны. Рост под два метра и вес явно за центнер. Кстати, – я смерил взглядом бокал, в котором официантка подала Данилу пиво, – твой стакан целиком уместится в его руке.

– Плюс вспыльчивость, агрессивность и поистине бычья сила, – добавил Рощин.

– Брр, неприятный субъект, – Данил брезгливо помотал головой. Но не похоже, что наши слова его всерьез обеспокоили.

– М-да, а вот Хорнела мы так и не встретили, – невесело заметил Илья Константинович. – Пойду спрошу о нем у бармена, как мы и собирались.

Он вновь поднялся на ноги и скрылся за тростниковой занавеской. Отсутствовал Рощин минут пять, довольно долго для такого короткого разговора, но вернулся вполне удовлетворенный.

– Нам повезло. Оказывается, бармен знает, где живет старина Гарри. Можем прямо сейчас отправиться к нему...

– Давайте хотя бы закончим с обедом, – с набитым ртом перебил его Данил.

– Молчи, когда жуешь, а то подавишься! – осадил его я.

Вышло довольно резко, но, честное слово, Данил своей невыдержанностью уже начал меня раздражать. Бизяев понимающе кивнул, проглотил набранную в рот пищу, выплюнул в ладонь косточки от маслин и потянулся за новой порцией.

– Удивительно, как в тебя столько влезает? – глядя на него, беззлобно заметил Илья Константинович.

– А у меня высокий метаболизм, – ответил ему Данил.

Он хотел еще что-то добавить к своему объяснению, но осекся и лишь загадочно помахал в воздухе руками. Наконец все поданные нам блюда были съедены. Соки, вино и пиво выпиты. И Рощин попросил у официантки счет.

– Общий или отдельный? – осведомилась та.

– Общий. Я угощал своих друзей, – ответил ей Илья Константинович.

Официантка на секунду замешкалась, но потом удалилась и спустя минуту принесла нам отбитую на кассе квитанцию. Взглянув на сумму, Рошин протянул ей кредитную карточку:

– Благодарю вас, все было очень вкусно. Оставьте себе десять процентов от общей суммы в знак нашей благодарности и, пожалуйста, передайте отдельное спасибо повару.

– О, спасибо, мистер, – официантка кокетливо улыбнулась. – Приходите еще, мы всегда будем рады вас видеть.

– Как-нибудь зайдем, – улыбнувшись в ответ, обнадежил ее Рошин, встав из-за стола.

Но когда мы спустились с террасы ресторана, довольная улыбка исчезла с его лица.

– Скверно получилось, – угрюмо заметил он. – В Штатах не принято оплачивать счета за своих гостей. Обратил внимание, как удивилась официантка? Когда один платит за двоих – это еще куда ни шло, но за четверых – уже явный перебор. А я не предусмотрел, что у вас нет при себе денег... Да еще эта квитанция, – он протянул мне поданный официанткой счет, который, оказывается, забрал с собой. – На ней проставлена дата и номер моей кредитной карточки, и теперь, подняв в ресторане копию квитанции, легко определить, когда наша группа появилась в городе.

Рошин был абсолютно прав – мы допустили серьезный прокол.

– А нельзя было расплатиться наличными, или у вас не было при себе необходимой суммы?

– Тогда бы официантка от удивления вообще лишилась дара речи. Уверен, в кассе ресторана и за час работы не набирается столько наличных денег. Американцы носят при себе лишь мелочь: купюры по пять, десять, в крайнем случае двадцать долларов, а счета сверх пятидесяти долларов оплачивают кредитками. Полторы сотни наличными здесь может выложить только русский турист.

И вновь Илья Константинович оказался прав. На вводном инструктаже перед подготовкой к операции и много раз до этого я слышал о том, как американцы расплачиваются в магазинах и ресторанах, но сейчас совершенно упустил это из виду.

Обратный путь к снятому нами дому мы проделали молча. Каждый думал о своем. Даже Данил, от сытости или от того, что действительно хотел спать, не отвлекался на встречных девушек.

Как я и ожидал, миссис Роджерс не вышла на улицу, чтобы поприветствовать нас, хотя по поднятым жалюзи на окнах первого этажа я понял, что она дома. Когда мы поднялись по пристроенной к мансарде лестнице, Рошин внимательно осмотрел входную дверь, на которой оставлял контрольные метки, и, удовлетворенно кивнув головой, отпер замок. Мы вошли внутрь, и он, обращаясь к Андрею и Данилу, предложил:

– Вам лучше остаться здесь. Заодно и багаж разберете. А мы с Робертом тем временем навестим мистера Хорнела.

– Отличная мысль, – ответил Данил, но даже не подошел к сложенным на пол сумкам, а сразу улегся на диван, подложив под голову диванную подушку.

Я повернулся к Андрею, растерянно стоящему посреди холла, и сказал:

– Ты тоже отдохни. А вещи можно и потом разобрать.

– Еще более ценная мысль, – сквозь зевоту пробурчал с дивана Данил.

Илья Константинович лишь беззлобно покачал головой, и мы с ним, оставив наших друзей отдыхать, направились к стоящему перед домом джипу...

Прожив в Дулите всего два дня, Рошин успел достаточно хорошо его изучить. Во всяком случае, мы ни разу не заплутали, разыскивая дом Гарри Хорнела. Жил Хорнел в большом двухэтажном особняке, только более ветхом, чем у нашей хозяйки. На наш звонок долго никто не отзывался, потом послышались медленные шаркающие шаги, и дверь наконец открылась. Я увидел перед собой пожилого человека с отечным лицом и спутанными волосами на голове.

Одет он был в какие-то бесформенные парусиновые штаны и клетчатую рубашку. Хозяин дома смерил нас настороженным взглядом и заявил:

– Если вы насчет жилья, то обратились не по адресу. Я ничего не сдаю.

– Мистер Хорнел, если не ошибаюсь? – произнес я в ответ.

– Да, это я, – несколько озадаченно ответил хозяин дома. – Но я не сдаю жилье.

– Видите ли, мистер Хорнел, нас не интересует жилье, – присоединился к разговору Илья Константинович. – Зато заинтересовала ваша шхуна.

– Моя шхуна? – недоверчиво переспросил Хорнел. – «Святая Анна»?

– Да, – прямо ответил Рошин. – Я профессор Саванского океанографического института, вместе с коллегами исследую пути подводных миграций лангустов. Часто нам приходится проводить свои исследования далеко от берега. Вот мы и хотели арендовать для этих целей ваше судно.

– Мое судно? – все еще с недоверием уточнил Хорнел.

– Да, если вы в ближайшие дни свободны, – вставил я.

– Что вы! – Хозяин «Святой Анны» прямо просиял на глазах. – Конечно, не занят! Вернее, у меня есть дела, но они начнутся только со следующей недели. Так что сейчас вы можете полностью располагать мною и моей шхуной... Гарри Хорнел, можно просто Гарри, – неожиданно решил представиться он и протянул Рошину руку.

– Стивен, – произнес в ответ Илья Константинович и, пожимая протянутую руку, добавил: – Ларсен.

– Роберт. – Вслед за Рошиным я тоже пожал руку Хорнелу.

– Значит, вы будете нырять, а мне нужно будет доставить ваши акваланги к месту погружения? – уточнил он свою задачу.

– Не только акваланги, но и аппаратуру для подводных исследований, а также надувную лодку, – кратко объяснил Рошин хозяину шхуны его задачу.

– О, нет проблем. На моей шхуне найдется место для целого океанского контейнера со снаряжением, – заявил Хорнел. – Только... Я не хочу неприятностей с береговой охраной. Поэтому, если вы собираетесь работать в океане по ночам, вам придется самим позаботиться о разрешении.

Понятное желание законопослушного американца. Береговая охрана Соединенных Штатов запрещает частным гражданским судам выходить ночью в море. Другое дело, что такой запрет не везде соблюдается. Но я уверен, что в Дулите, который находится по соседству и с военно-морской базой Норфолк и с полигоном у мыса Хаттерас, это правило исполняется крайне жестко. Думаю, реальные американские специалисты могли бы получить в управлении береговой охраны необходимое разрешение. Но нам с нашими липовыми документами, конечно, не стоило испытывать судьбу.

– Не беспокойтесь, Гарри. Ночные исследования не входят в наши планы, – заверил Хорнела Илья Константинович.

Тот сразу расплылся в довольной улыбке:

– Тогда все в порядке. Когда вы собираетесь выйти в море?

– Хотелось бы прямо сегодня, – ответил ему Илья Константинович.

– Сегодня, боюсь, никак не получится, – Хорнел озадаченно поскреб свой подбородок. – Мне же надо проверить ходовую, прочее оборудование... Ну, вы меня понимаете?

Мы понимали. Судя по всему, «Святая Анна» последнее время стояла на приколе. И ее хозяин сомневался, что двигатель шхуны и прочее оборудование находятся в исправном состоянии. – Тогда завтра с утра, – понимая проблемы владельца шхуны, предложил Илья Константинович.

– Отлично, – Гарри вновь просиял. – К утру все будет готово! Только еще один вопрос, – он слегка потупил глаза. – Как будет с оплатой?

Дальнейший разговор с владельцем шхуны касался чисто финансовых отношений, и после непродолжительного торга Ларсен и Хорнел пришли к соглашению.

– Значит, встречаемся на причале в десять утра, – крикнул нам вслед Гарри, когда мы направились к своей машине.

Вернувшись в дом миссис Роджерс, мы обнаружили, что Данил мирно спит в холле на диване. Андрей же сидел за столом, уставившись в экран компьютера.

– Нашел что-нибудь интересное? – спросил я, приставив свободный стул к столу и усаживаясь рядом.

– На всех сайтах и чатах, имеющих отношение к морю и морскому отдыху, висит сообщение о запрете судоходного движения у мыса Хаттерас в связи с проведением там учений военно-морских сил. – Андрей развернул ко мне компьютер, чтобы показать найденное сообщение. – Судя по указанным датам, этот запрет продлится еще пять дней. У нас остается меньше недели.

– Уложимся, – вдруг отозвался с дивана Данил уже совершенно бодрым голосом, хотя еще несколько секунд назад он казался крепко спящим.

– Постараемся, – в тон ему ответил Рощин и добавил: – Завтра выходим в море.

НА ПРИСТАНИ

12 мая 09.00

Позавтракав бутербродами с сыром и ветчиной, приготовленными из закупленных накануне вечером продуктов, офицеры снова переложили большую часть своего подводного снаряжения обратно в багажник джипа (при этом все спецснаряжение: водолазные маски с акваскопами, боевые ножи, подводные фонари и наручные пневматические глубиномеры – Ворохов упаковал в отдельный непрозрачный мешок), и отправились на городскую пристань. Проезжая по набережной, Рошин еще из окна машины увидел, что шхуна «Святая Анна» отсутствует на своем прежнем месте у причала.

– Значит, Гарри сумел-таки запустить двигатель, – удовлетворенно заметил он.

Это обстоятельство всем подняло настроение. Данил Бизяев даже несколько раз ударил себя по коленям, отбив замысловатый такт, и, толкнув в бок сидящего рядом Андрея Мамонтова, шутливо заметил:

– Море, солнце, девчонки в купальниках, любимый дайвинг! Что еще нужно для счастья?

– Встретить под водой какую-нибудь морскую красавицу, – шутливо ответил ему Ворохов с переднего сиденья.

– Не бойсь, Роберт, – сделав ударение на последнем слове, Данил хлопнул Станислава по плечу. – И не какую-нибудь, а именно ту, которую надо. Она гуляет в пучине в семидесяти милях к северу под охраной двух фрегатов и эскадренного миноносца.

– Все. Отставить разговоры, – перейдя на серьезный тон, приказал Ворохов, увидев, что Рошин сворачивает с набережной к расположенным у причала эллингам.

Остановив машину возле одного из пронумерованных металлических боксов, Рошин отпер своим ключом его ворота и, указав на стоящую внутри надувную лодку, сказал:

– Я разыщу Гарри, а вы пока проверьте «Зодиак» и закрепите его на багажнике.

Данил Бизяев взглянул на стоящую в эллинге четырехместную лодку, затем на автомобильный багажник на крыше джипа и заметил:

– Лодочка-то поди килограмм восемьдесят весит?

– Восемьдесят пять, – уточнил Рошин и, развернувшись, направился разыскивать Гарри Хорнела.

Станислав Ворохов вошел в эллинг и присел на корточки возле «Зодиака».

– Фрэд, помоги мне, – обратился он к Бизяеву. – А ты, Кевин, – взгляд Ворохова переместился на лейтенанта Мамонтова, – осмотри двигатель.

Вдвоем Бизяев и Ворохов обстоятельно проверили прочность швов клееного корпуса лодки и давление воздуха в ее отсеках. По распоряжению Ворохова Бизяев немного подкачал ножным воздушным насосом один из отсеков. В это время Андрей Мамонтов внимательно оглядел подвесной мотор и, обращаясь к командиру, сообщил:

– Внешне все в порядке. Смазки и топлива достаточно. Люфт подвижных соединений в пределах нормы. Запустить?

– Не нужно, – ответил Ворохов после секундного размышления. – При продаже лодочные моторы обязаны проверять. А Стивен не допустил бы, чтобы ему продали бракованный двигатель. Не будем терять времени и установим лодку на багажник. А то скоро вернется Стивен, а мы еще не готовы. Давайте, помогите мне.

– Вообще-то нормальные люди для перевозки лодок используют автоприцепы, – недовольно пробурчал Данил Бизяев, но все же взялся за проходящий вдоль борта «Зодиака» крепкий канат.

Втроем офицеры вытащили лодку из эллинга и, подняв, установили ее на крыше «Доджа». Вскоре действительно вернулся Рошин. Следом за ним, понуриив голову, брел Гарри Хорнел. Угрюмый вид Хорнела не предвещал ничего хорошего. С первого взгляда на владельца «Святой Анны» Ворохову стало понятно, что выход в море, похоже, откладывается. Когда же Хорнел заговорил, Станислав убедился, что сбылись самые худшие опасения.

– В общем, ничего у нас не получится, – Гарри виновато развел руками и тяжело вздохнул. – Я уже объяснил Стивену... У меня все было готово! Я еще накануне проверил моторный отсек, откачал воду из трюма, а ночью на шхуне случился пожар... – Хорнел еще раз тяжело вздохнул. – Шериф говорит, что я сам бросил окуроч в промасленную ветошь, когда прочищал двигатель. Но это не так! Пожарные, которые тушили шхуну, нашли на палубе осколки бутылочного стекла. Понимаете? Кто-то ночью бросил мне на палубу бутылку с бензином! Разве я мог бы поджечь собственную шхуну?

– Судно сильно пострадало? – быстро спросил Ворохов.

– А-а, – Гарри безнадежно махнул рукой. – Рубка выгорела полностью, еще часть палубы... Хорошо еще, что пожарные подоспели вовремя и огонь не успел добраться до баков с горючим. А то бы все...

– Как много времени уйдет на ремонт? – задал новый вопрос Станислав, уже понимая, что ремонт сгоревшей шхуны затянется надолго.

– Неделя или две, – не очень уверенно ответил Гарри. – Я отбуксировал шхуну к судоремонтным мастерским. Там ее вытащили на берег. Сегодня ее должны осмотреть наши механики и к вечеру дать окончательный ответ.

Рошин и Ворохов удрученно переглянулись.

– Ну что ж, мистер Хорнел, желаем вам скорее починить вашу шхуну, – Станислав на прощание протянул Гарри руку. – Жаль, что не удалось поработать с вами. Может быть, как-нибудь в другой раз.

Хорнел еще раз тяжело вздохнул и, развернувшись, направился восвояси. – Вот и занялись любимым дайвингом, – глядя в спину Хорнела, сердито пробурчал Данил Бизяев и смачно сплюнул в сторону.

Ему никто не ответил. Но именно в этот момент со стороны эллингов раздался чей-то призывный свист. Четверо боевых пловцов разом обернулись. Сзади, навалившись плечом на закрытые ворота чьего-то эллинга, стоял Рикардо Родригес. Убедившись, что привлёк к себе внимание, Родригес неторопливо двинулся навстречу офицерам.

– Вижу, что у вас проблемы, – заявил он, остановившись напротив четверки «морских дьяволов». – Вам нужно судно, а бедняга Гарри накануне спалил свою шхуну. Могу предложить свою яхту, – Родригес остановил свой взгляд на лице Рошина, видимо, признав в нем старшего. – У меня настоящая яхта, не то что все эти корыта для прибрежных купаний, – Родригес дернул головой в сторону причала. – «Конкистадор»! Вы, конечно, видели ее. Я могу хоть сейчас вывести ее в море. Яхта будет в вашем распоряжении столько, сколько потребуется. Но каждый день использования будет стоить вам одну тысячу гринов, – закончил Родригес и для наглядности продемонстрировал отогнутый мизинец на правой руке.

Названная сумма была немыслимой. Еще до прибытия остальных членов разведгруппы капитан третьего ранга Рошин выяснил существующие расценки на аренду прогулочных судов. За тысячу долларов можно было нанять отличную прогулочную яхту сроком на целую неделю. В то же время надменный взгляд владельца «Конкистадора» ясно свидетельствовал о том, что сбавлять цену он не собирается. Поэтому Рошин молчал. Молчали и остальные офицеры. Лишь Андрей Мамонтов молча почесал свою ладонь, продемонстрировав Ворохову пять растопы-

ренных пальцев – число дней, оставшихся до конца ходовых испытаний американского подводного крейсера. Ворохов перехватил вопросительный взгляд Рощина и едва заметно прикрыл глаза, демонстрируя свое согласие.

– Не скрою, ваше предложение пришлось весьма кстати, – наконец ответил Рощин. – Но запрошенная сумма совершенно нереальна. Согласитесь...

– Короче! – не дослушав, Родригес перебил его. – Не надо мне втирать по поводу цены! Раз уж вы не поленились вчера съездить к Гарри домой, значит, вам позарез понадобилась его посудина. Но с Гарри у вас обломилось, а я предлагаю судно, которое лучше во всех отношениях. И стоит оно одну «тонну» гринов. Устраивает цена, тогда я хоть сейчас отдаю швартовы, не устраивает – расходимся. Так как, спускать сходни? – Он перевел ехидный взгляд на лицо Ворохова. – Или подождать денек-другой?

Станислав опустил глаза, а Рощин, заметив поданный командиром группы безмолвный «маяк», произнес:

– Спускайте.

– Ну вот, а еще ломались, – удовлетворенно заметил Родригес. – Жду вас на яхте.

Он развернулся и двинулся в сторону «Конкистадора». Родригес уже спустился на причал, а боевые пловцы все еще стояли возле джипа.

– Выглядит как явная подстава, – заметил Рощин.

– Слишком явная, – произнес в ответ Ворохов. – Контрразведка так не работает. Скорее всего поджог «Святой Анны» – это личная инициатива самого Родригеса. Он стремится навязать нам свои услуги по баснословно высокой цене, пользуясь нашим безвыходным положением.

– А откуда он узнал, что оно безвыходное? – спросил Рощин. – Откуда он знает про нашу договоренность с Гарри? О том, что, разыскивая его, мы направились к нему домой? Не слишком ли много совпадений?

– Вот именно что совпадений, – стараясь говорить взвешенно и спокойно, заметил Ворохов. – Мы спрашивали адрес Хорнела у бармена. Родригес, сидящий у барной стойки, вполне мог слышать разговор. Ему мог сообщить бармен. Наконец, сам Хорнел вечером на пристани мог похвастаться перед прочими владельцами прогулочных судов своей удачей.

Рощин промолчал, хотя по его лицу было видно, что опытного «морского дьявола» продолжают грызть сомнения. Тогда Андрей Мамонтов впервые высказал свое мнение:

– Стивен, ведь у нас действительно безвыходное положение. Вы же сами говорили, что нам для работы подходит лишь два судна: «Конкистадор» и «Святая Анна». Теперь осталось одно.

– Одно, – повторил за Андреем Рощин. – Только не нравится мне такой вариант. Ладно, делать нечего... Грузите лодочный мотор в багажник, а я закрою эллинг.

Пока Рощин запирает ворота, Бизяев и Мамонтов погрузили подвесной мотор «Зодиака» в багажник «Доджа». Затем все офицеры расселись по своим местам. Рощин запустил двигатель и, следуя вдоль дощатого настила, повел джип к центру причала, туда, где, выделяясь среди прочих яхт, покачивался на волнах черно-белый «Конкистадор».

БИЗЯЕВ

10.30

Когда мы подъехали к яхте и Старик остановил джип напротив «Конкистадора», я увидел, что с палубы на причал уже перекинут трап. Не сходни, а самый настоящий трап со ступенями и боковыми ограждениями в виде натянутых в два ряда страховочных канатов. Хозяин яхты ожидал нас на палубе. Не глядя на него, мы принялись выгружать из багажника джипа свое снаряжение. Заметив столь непочтительное поведение, Родригес стремительно сбежал по трапу и, перехватив руку Старика, сказал:

– Доктор, или как вас там? Прежде чем выгружать свое барахло, давайте-ка сначала рассчитаемся.

При этом у него был такой наглый взгляд, что меня прямо-таки подмывало хорошим хуком сбить с него спесь. Но Старик не растерялся. Он вынул из кармана бумажник, достал оттуда кредитную карточку и протянул ее хозяину «Конкистадора»:

– Пожалуйста, снимите со счета тысячу долларов за сегодняшний выход в море, а карточку вместе с распечаткой верните мне. – Видя, что Родригес не торопится взять у него из рук кредитку, Старик добавил: – Что, предпочитаете кредиткам расчеты наличными? В таком случае, мистер Родригес, вам придется подождать до вечера, когда мы вернемся обратно и я смогу получить деньги в банкомате.

Я был уверен, что этот «бык» с пиратской серьгой в ухе откажет Старiku или, по крайней мере, начнет с ним препираться. Но вместо этого Родригес почесал свой небритый подбородок и ответил:

– Ладно, док, черт с вами. Понадеюсь на вашу честность. Вечером так вечером. Моя яхта вам, поди, не на один день нужна? Значит, вам меня не кинуть?.. И еще, док, зовите меня просто Рик. Так мне привычней.

– Стивен, – произнес в ответ Старик и протянул Родригесу руку. – Фрэд, Роберт и Кевин, – представил он нас.

В момент разговора я находился к ним ближе всех, поэтому, чтобы раньше времени не портить отношений с нашим капитаном, тоже протянул Родригесу руку:

– Фрэд.

– Рик.

У него оказалась широкая и на редкость крепкая ладонь. Да к тому же он, видно, решил поучить меня, потому что стиснул мою руку изо всех сил. Пришлось и мне в ответ сдавить его пятерню. В самом деле, почему бы ученому-карцинологу не обладать стальной хваткой? Может, я регулярно тренируюсь в бассейне и тягаю железо в тренажерном зале? Через пять секунд нашего противоборства на лбу Рика выступили сначала мелкие, а затем и более крупные капли пота. Спустя еще несколько секунд он криво ухмыльнулся и разжал ладонь. Я тоже отпустил его руку. «Бык» ничего не сказал, лишь сплюнул сквозь зубы в воду и молча отвернулся.

Родригесу вполне хватило одного моего рукопожатия. К Стасу и Андрею он даже не подошел. И пока мы переносили свое снаряжение на яхту, вообще не лез к нам с разговорами. Лишь когда мы закрепили на корме «Конкистадора» «Зодиак», он, обращаясь к Старiku, спросил:

– Закончили? Можно выходить?

Старик ответил утвердительно. Родригес поднял трап, потом прошел в рубку и оттуда запустил двигатель. Идеально отрегулированный движок работал почти бесшумно, и вскоре

«Конкистадор» уже отвалил от причала. Стас и Старик вслед за Родригесом тоже прошли в рубку, чтобы указывать ему направление, а мы с Мамонтенком расположились на корме, возле нашего снаряжения. Я на всякий случай сел так, чтобы держать в поле зрения дверь в ходовую рубку. Через иллюминатор можно было видеть Стаса и стоящего за штурвалом капитана Рикардо. Лишь Старик ни разу не попался мне на глаза. Очевидно, расположился по другую сторону от Рика.

Встречный ветер трепал мои волосы и временами швырял в лицо прохладные водяные брызги. За кормой пенились взбитые гребным винтом «Конкистадора» лазурные волны. Вокруг были видны десятки прогулочных яхт с отдыхающими. Если кто-нибудь из них сейчас наблюдал в бинокль за выходящим из Дулитской гавани «Конкистадором», я представлялся им, наверное, таким же беззаботным туристом. Признаться, мне действительно хотелось развалиться на палубе с закрытыми глазами и хоть ненадолго, хоть на мгновение забыть о том, что скоро придется отправиться в мир подводного мрака, холода и безмолвия. Кто-то из наших военных психологов однажды сказал мне, что перед погружением полезно расслабляться. Якобы это помогает концентрировать энергию, запас которой там, под водой, всегда ограничен. Вполне возможно. Но сейчас обстоятельства и особенно присутствие на яхте капитана Родригеса не позволяли мне отдохнуть. После рассказа Старика я физически чувствовал исходящую от Бешеного быка опасность. Правда, Старiku и Стасу, которые находились буквально бок о бок с Родригесом, да еще должны были внимательно следить за курсом, приходилось в тысячу раз тяжелее. А ведь им, как мне и Мамонтенку, тоже предстояло идти под воду...

Мы прошли около десяти миль на юг, когда наконец я почувствовал, что «Конкистадор» начинает сбавлять ход. Если я не ошибся в определении пройденного расстояния, мы как раз вышли в район искомой подводной скалы. Я сейчас же оглянулся на берег. Увы, он выглядел совершенно незнакомым. Оказывается, в ночь высадки я не запомнил ни одного ориентира, к которому можно было бы привязаться для определения положения яхты. Я знал, что сейчас в рубке Стас занимается тем же самым – пытается по очертаниям береговой линии понять, где мы находимся и, главное, как далеко от яхты располагается подводная скала с транспортировщиком и прочим снаряжением...

Так прошло около минуты, после чего «Конкистадор» на малом ходу двинулся в сторону берега. Когда до полосы прибоя осталось метров четырехста, яхта вновь повернула на юг, но, не пройдя и полмили, застопорила ход. Через несколько секунд я услышал громкий всплеск воды. Это наш капитан Рикардо отдал носовой якорь. Практически сразу из рубки вышел Стас и громко, очевидно, чтобы его услышал оставшийся в рубке Рик, обратился к нам с Мамонтенком:

– Ну что, попробуем понырять?

– А место-то хоть подходящее? – подыгрывая ему, громко спросил я.

– Стивен считает, что вполне, – сообщил Стас. – Ныряльщики и прочих отдыхающих, которые могли бы беспокоить лобстеров, здесь почти не бывает. Глубина двадцать метров, вода хорошо прогревается. Дно песчаное – идеальное место для размножения.

– Ну что ж, проверим, – ответил я, поднимаясь на ноги.

Вслед за мной встал и Мамонтенок.

– «Зодиак» спускать будем? – спросил он, кивнув головой на резиновую лодку.

Молодец, вовремя задал вопрос. А то я уже подумал, что он забыл свою роль и про «Зодиак» придется спрашивать мне. Стас изобразил на лице раздумье, даже наморщил лоб, после чего сказал:

– Лучше спустить. Возможно, для поиска миграционных троп придется обследовать довольно большой район. Тогда мы используем «Зодиак», чтобы понапрасну не гонять яхту.

Весьма разумный довод. Мы вдвоем стащили «Зодиак» с палубы и сбросили его в воду, после чего я привязал лодку страховочным концом к фальшборту «Конкистадора». Пока мы

возились с «Зодиак», из рубки вышел Старик вместе с Рикардо. Опровергая данное ему прозвище, наш капитан выглядел совершенно спокойным и равнодушно взирал на то, как мы спускаем на воду лодку, а затем облачаемся в гидрокостюмы. Когда я, Стас и Мамонтенок натянули их на себя, на этот раз обойдясь без теплого шерстяного белья, и закрепили за спинами акваланги, Старик провел с нами короткий инструктаж на тему особенностей поведения морских ракообразных. Потом мы попрыгали в воду, через несколько секунд собравшись под килем «Конкистадора». Стас обозначил нам сектора поиска, и мы расплылись по разным направлениям.

Двигаться в теплой, освещаемой солнечными лучами прозрачной воде – одно удовольствие. Оно не сравнится со слепым блужданием в холодном мраке пучины, непроницаемой для солнечного света. Я шел в паре метров выше дна, соответственно в восемнадцати-двадцати метрах от поверхности. Можно было бы плыть и еще ближе к поверхности. Что-то, а нагромождение лежащих на дне подводных глыб я бы заметил и с пятиметровой глубины. Но я все же старался держаться ближе ко дну, чтобы иметь возможность разглядеть бродящих по дну лангутов, если они вдруг здесь окажутся... Так я и плавал в указанном Стасом секторе, постепенно отдаляясь от бросившего якорь «Конкистадора», пока не израсходовал почти весь воздух в своем акваланге. Когда же воздуха осталось только на то, чтобы вернуться к яхте, я развернулся и, энергично работая ластами, поплыл обратно.

Оказалось, что я вынырнул самым последним. Стас и Андрей уже поднялись на палубу. Старик, увидев над водой мою голову, еще с борта принялся ругать меня за неосторожность и пренебрежение к правилам безопасности подводного плавания. Действительно, по правилам погружений весь запас воздуха условно следует делить на три части. Из них для работы служит только первая часть, вторая для того, чтобы вернуться на судно, а третья – это резерв или неприкосновенный запас на тот случай, который невозможно предусмотреть никакими правилами. Но сейчас упреки Старика были совершенно напрасны. В прозрачной и освещенной воде обратную дорогу к яхте нашел бы даже ныряльщик-любитель, не то что прожженный «морской дьявол» вроде меня. Да и по лицу Старика было видно, что он просто отрабатывает взятую на себя роль руководителя исследовательской экспедиции.

Взобравшись на палубу «Конкистадора», я с удивлением обнаружил, что Старик держит в руках лангуста, отчаянно брыкающегося своими членистыми лапами. Оказывается, Стас или Андрей все же отловили на дне одного из представителей морских ракообразных, являющихся объектом изучения нашей «научной» группы. Старик старательно измерил длину тела лангуста гибкой линейкой, а затем выбросил его в воду.

– Судя по размерам, этот самец еще не достиг возраста половой зрелости, – авторитетно заявил он.

– Другие мне не попались, – развел руками Андрей.

– Возможно, пути миграции проходят несколько в стороне, – рассуждая вслух, предположил Старик. Клянусь, в этот момент у него был вид, как у заправского профессора-океанолога. – Попробуем расширить район поиска.

Ясно, что это уже прямое указание по использованию «Зодиака». Мы послушно заменили использованные баллоны наших аквалангов на новые и снова спустились с палубы, но уже не в воду, а в привязанную к борту надувную лодку. Следом за нами в «Зодиак» забрался и Старик, предварительно захватив с собой мешок с упакованным спецснаряжением. По просьбе профессора Ларсена Рик отвязал страховочный конец от борта своей яхты и швырнул его нам. Я поймал канат и, свернув его бухтой, уложил на дно лодки, а усевшийся на корме Старик запустил двигатель «Зодиака» и направил его в открытый океан. Стас показывал, куда следует править.

– Это то место? – спросил я, когда расстояние и шум работающего лодочного мотора уже не позволяли услышать наш разговор с борта яхты.

Стас промолчал, но по выражению его лица я понял, что он не уверен в ответе. Хуже нет, чем вести поиск, когда нет уверенности в наличии искомого объекта в обследуемом районе. Но свои соображения я оставил при себе, чтобы не расслаблять Мамонтенка, как ни крути, а новичка в работе «морских дьяволов»... Когда мы отошли от «Конкистадора» на добрый пяток кабельтовых, Стас велел Рошину заглушить двигатель. Несколько секунд он молча всматривался в очертания береговой линии, потом объявил:

– Будем осматривать всю прибрежную зону на глубине двадцати метров. Для начала поплывем отсюда в сторону яхты. Там Стивен нас и подберет. Полоса поиска – сто метров, соответственно – по тридцать с небольшим метров на каждого. Если «Тритона» здесь нет, смещаемся на полмили южнее и продолжаем поиски там. Вопросы?

Вопросов ни у кого не возникло, лишь Старик задумчиво сказал:

– Я не пойду сразу к яхте, а каждые четверть часа буду смещаться на один кабельтов. Таким образом, постоянно буду рядом с вами.

– Добро, – Стас кивнул.

По его команде мы вставили в рот загубники и, перекувырнувшись через спонсон¹⁸ «Зодиака», спиной вперед нырнули в воду.

---

¹⁸ Спонсон – многосекционная воздушная камера, располагающаяся по периметру жесткой конструкции надувной лодки для придания ей дополнительной плавучести.

ОПЕРАТОР ПОДВОДНЫХ СРЕДСТВ ДВИЖЕНИЯ — ЛЕЙТЕНАНТ МАМОНТОВ

12.20

От волнения, испытываемого перед каждым погружением в своей первой боевой операции, он слабо позавтракал и к полудню уже начал испытывать голод. Во время завтрака Андрей с завистью смотрел на Данила Бизяева, с аппетитом поглощающего разрезанные вдоль длинные батоны белого хлеба с уложенными на них кусками ветчины и ароматного сыра. За то время, что Андрей с трудом сжевал полбутерброда, Бизяев расправился с тремя, запив их тремя стаканами гранатового сока и еще двумя стаканами растворимого кофе. Несмотря на то что Андрей выпил за завтраком всего один стакан кофе, через час ему уже захотелось в туалет. По счастью, на «Конкистадоре» помимо двух комфортабельных кают имелся и первоклассный галюн. Тем самым проблем не возникало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.